

ПРОФСОЮЗНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 4 (038)
2019

16+

Люди и ракеты

Как социальные гарантии
укрепляют оборону страны

В поисках хорошего хозяина

Обычно профсоюзы относятся к работодателям в лучшем случае с уважением, но не проявляя особой любви. И тому есть причины. Слишком много примеров, когда работодатели являются инициаторами прямого, недвусмысленного нарушения прав работников. Когда не платят вовремя зарплату. Когда незаконно увольняют. Когда разрыв в доходах откровенно неприличен. Когда вместо улучшения условий труда — грошовая экономия на спецодежде. Когда рост производительности труда обеспечен ростом эксплуатации...

Но даже в рамках капиталистического общества, в котором мы живем, есть и другие примеры, которые мы стараемся описывать как позитивные образцы. То есть когда все наоборот. Когда зарплата работника воспринимается им как справедливая. Когда люди не мрут на рабочем месте, а в нормальном самочувствии и хорошем настроении возвращаются домой. И когда они знают, что их руководитель — по существу лидер коллектива, заботящийся об их доходах, здоровье и даже настроении.

Увы, сейчас это редкость. Возможно, потому, что для создания более-менее широкого слоя таких собственников должен пройти длительный процесс не только формирования общественного запроса, не только рост самосознания работников, обеспеченный защитой их прав профсоюзами, но и должна иметь место государственная политика выращивания и поощрения такого работодателя. Насколько с этим справляются организации работодателей самостоятельно? Они слишком поглощены отстаиванием своих экономических интересов. С другой стороны, альтернативой такому «справедливому работодателю», описанному в дореволюционной России еще Николаем Гоголем в сожженной второй части «Мертвых душ», является только социальный взрыв и революция.

Видят ли нынешние собственники что-либо дальше экономии на фонде оплаты труда? Понимают ли перспективы своего обогащения в небогатой стране? Ответ пока неясен.

Александр ШЕРШУКОВ

**«Профсоюзный журнал»
распространяется
в Государственной Думе,
Общественной Палате
и Правительстве РФ**

«Профсоюзный журнал»
№ 4 (38), 2019 год

Учредитель — ООО «Редакция газеты
«Солидарность»»

Над номером работали:

Александр ШЕРШУКОВ — шеф-редактор
Наталья КОЧЕМИНА — редактор
Сергей МАЙМАСОВ — бильд-редактор
Любовь ЛУНЕВА —
литературный редактор
Наталья СИМОНОВА — корректор
Ирина НАУМОВА —
дизайн-макет, верстка
Михаил КОМАГОРОВ — препресс
Дмитрий ПЕТРОВ — художник
Николай ФЕДОРОВ — фотограф
Павел ОСИПОВ, Александр ЦВЕТКОВ —
корреспонденты

Адрес редакции:

119119 Москва, Ленинский проспект, д. 42,
помещение Б
Телефоны: 8 (800) 777-84-26,
(495) 938-72-02
E-mail: info@solidarnost.org
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор),
регистрационное свидетельство
ПИ № ФС77-70529 от 10 июля 2017 года

Подписные индексы:

Каталог «Пресса России» 29105
Оформление редакционной подписки
(495) 938-72-07
e-mail: sales@solidarnost.org

Руководитель отдела распространения
Елена МНАЦАКАНОВА

По вопросам размещения рекламы
обращаться по телефону:
(495) 938-72-07

Отпечатано в соответствии с предоставленными
материалами в ООО «Тверская Фабрика Печати»
170006, г. Тверь, Беляковский пер., 46
www.t-f-h.ru
Тираж 1850 экз.
Заказ № 6213

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются

Перепечатка материалов возможна только
с согласия редакции
При перепечатке ссылка на
«Профсоюзный журнал» обязательна

ДЕНЬ РОССИЙСКОЙ ПОЧТЫ

Можно и без велосипеда

Репортаж о том, как Почта России борется
со стереотипами о себе

стр. 4

РАБОТОДАТЕЛИ О ПРОФСОЮЗЕ

Фабрика. Директор. Профсоюз.

О том, как председатель профкома привела
директора на предприятие и что из этого
вышло

стр. 10

ПЕРСОНА

Парень с площади Ленина

Председатель Росуглепрофа — о хулиганстве,
забастовках и кровном родстве с отраслью

стр. 16

РЕПОРТАЖ

Люди-ракеты

Корреспонденты «Профсоюзного журнала»
побывали в подмосковной Коломне
в конструкторском бюро и на заводе
по производству ракет

стр. 26

ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИИ

Пепел Джо Хилла

Как и за что осудили и казнили знаменитого
американского профсоюзного барда

стр. 38

ПРОФСОЮЗЫ ЗА РУБЕЖОМ

Ливанский лабиринт

Как «Швейцария Востока» потеряла свои
профсоюзы и можно ли их возродить

стр. 44

Можно и без велосипеда

Как Почта России борется со стереотипами о себе

Объяснять, что такое почтовое отделение, в России никому не надо, несмотря даже на то, что уже и дедушки с бабушками шлют друг другу электронные письма. Извещения, счета, бандероли, посылки, телеграммы — все это, включая все те же старые добрые бумажные письма, проходит в большинстве своем через Почту России. Но если раньше, во времена товарища Печкина, это был единственный оператор, то теперь предприятие работает в условиях жесткой конкуренции. А значит, просто не может позволить себе не меняться в лучшую сторону, ломая накопленные в обществе стереотипы. «Профсоюзный журнал» побывал в одном из московских отделений Почты России и выяснил, что для позитивных перемен почтальону нужен вовсе не знаменитый велосипед, а дружный коллектив, твердые социальные гарантии и адекватное руководство.

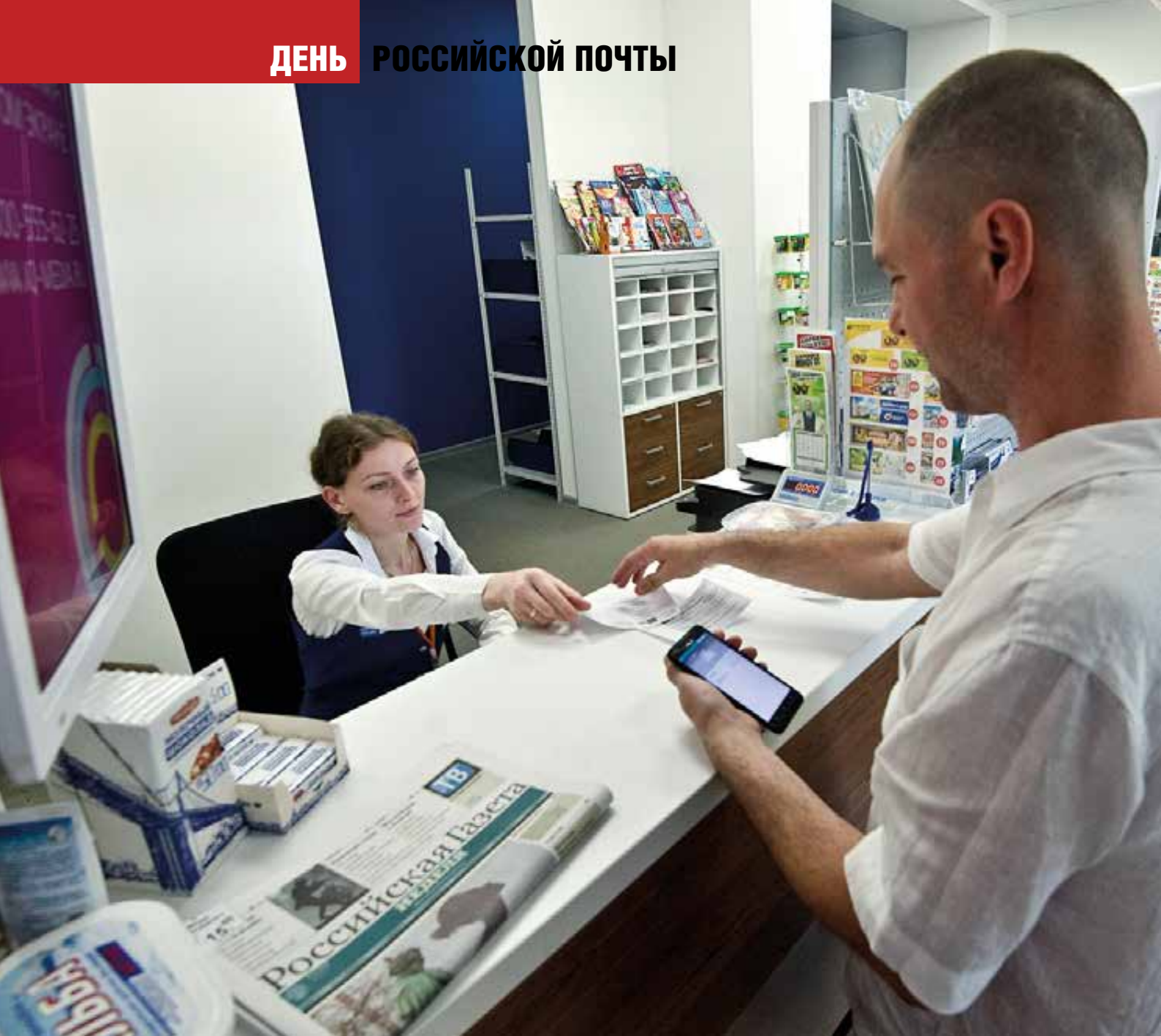
ПОЧТА «В ЦИФРЕ»

Почтовое отделение 119313 (или Москва-313) расположено в одном из престижных районов столицы, на Ленинском проспекте. Но выглядит престижно только по сравнению с картинкой из советских и раннероссийских анекдотов. Потому что чистота, светлые тона, компетентный и вежливый персонал для Почты России давно не новость — норма. (И цель, к которой многие отделения еще только должны прийти, это правда, но тем не менее.) Причем перемены заключаются не только, грубо говоря, в ремонте и улыбках. А прежде всего, объясняет начальник отделения **Марина Фетисова**, в новых идеях, технологическом обновлении.

— Какие-то новые идеи у нас появляются. Сейчас почта перешла на ускорение обслуживания клиентов. Это упрощенный прием: человек может сдать посылку, если он предвари-

тельно зарегистрировал ее на сайте, и — спокойно уйти, не заполняя разные бумажки, как это было положено раньше, — приводит пример Марина Викторовна. — Еще мы внедрили у себя электронную очередь. В общем, вместе с цифровизацией растет качество обслуживания клиентов. Мы работаем для людей.

Просто представьте на секундочку: можно даже паспорт с собой не приносить, и извещение тоже можно не заполнять. Если вы зарегистрированы на сайте Почты России, вас идентифицируют просто по номеру телефона. Вернее, по одноразовому коду, который придет на него в смс-сообщении. Это как зайти в онлайн-банк. В принципе, можно даже из дома не выходить: курьерскую доставку и в советские времена никто не отменял. Кое-где, например в Московской области, почтальоны ходят с мобильными почтово-кассовыми терминалами

и принимают платежи за коммуналку, за детские сады, платежи от садовых товариществ и т. д.

— Почта России ломает стереотипы о самой себе, что очень приятно, — говорит Фетисова. — Все идет к скорости, качеству. Хотя у нашего отделения есть, к сожалению, и проблемы. Например, со штатом. Люди предпочитают выбирать работу поближе к дому, а у нас район, что ни говори, «богатый» — не каждый его житель пойдет устраиваться на почту. Сейчас, правда, штат укомплектован, я говорю о проблеме как о потенциальной. Или вот операторы: когда после ремонта мы открылись, набирали новых, под формат отделения, молодых

старались, красивых. Но, опять же, не каждая молодая и красивая придет...

Впрочем, мы-то видели в почтовом отделении девушек только красивых (женщин постарше — тоже). И стоит сказать на всякий случай, что речь идет не о каких-то сексистских стандартах — просто люди вызывают симпатию. В общем, сейчас проблемы стоят, так сказать, текущие, сезонные и точно временные. Вот, скажем, как ухитриться составить график отпусков в самый их сезон? Но и это решаемо: оказываются, почтовые отделения всегда стараются помочь друг другу — всем, от расходных материалов до кадров.

— Почта — это семья независимо от обстоятельств, — начальник отде-

ления произносит это вовсе не дежурно, а как-то увлеченно, что ли. — Проблема со штатом существовала, она и сейчас есть. Но, кстати, у нас есть мобильная группа — люди, которые могут заменять при необходимости всех — от начальников до операторов. Как бы «сидят на подхвате». Вот я даю заявку, что у меня завтра вообще некому работать, и мне дают оператора из мобильной группы.

ВАМ ЗАПЛАТА!

Проблемы со штатом, о которых говорит Фетисова, связаны, конечно, с не самыми высокими зарплатами работников почты. (Но сама Марина Викторовна, к слову, работает в отделе-

Несмотря на активную цифровизацию, бумажные письма никто не отменял — особенно это касается счетов за коммунальные услуги и извещений от государственных органов. На фото слева: сейчас на почту можно прийти даже без паспорта, и все равно получить необходимые услуги. Для этого нужно всего лишь зарегистрироваться на сайте «Почты России» и назвать оператору код, пришедший по СМС.

нии уже тридцать лет, начав с нижней ступеньки карьерной лестницы.) Когда мы говорим о необходимости повысить престиж рабочих профессий, нужно не забывать, что речь идет не только о людях, которые стоят у станка на заводе. Почтальон и оператор связи — это тоже рабочие. Но здесь стоит отметить разницу в подходах.

Если, когда речь идет о заводе, чаще всего говорится просто о повышении зарплат как факторе, привлекающем молодежь, то Почта России пытается повысить саму свою привлекательность — как места, где приятно работать. И насколько это у нее получается, может оценить почти каждый житель страны — по причинам, о ко-

торых говорилось выше. Но уровень зарплат в рейтинге привлекательности, конечно, никто не отменял.

— По Москве в отрасли связи начальники и заместители начальников отделений связи получают на среднем уровне. У нас очень сильно отстают водители, операторы, почтальоны, — признает председатель объединенного профсоюзного комитета при УФПС Москвы **Ирина Сахарова**. — Но вот сейчас будет поэтапное повышение заработной платы, и в ноябре «отстающим» нашим специалистам обещали зарплаты приблизить к средней по отрасли.

Некоторые способы заработать больше предоставляются почтальонам

уже сейчас. Скажем, когда они приносят на дом пенсию, то могут предложить заодно приобрести кое-что из набора продуктов, которые у них с собой (это не частная инициатива, а программа организации): макароны, крупы, колбаса и т. д. Это может быть и удобно для тех клиентов, которым по причине, например, слабого здоровья трудно ходить в магазин самостоятельно, и приближает почтальонов к социальным работникам. Впрочем, пока это пилотная программа, она обкатывается в Московской области. И в отделении Марины Фетисовой пока не работает. Но это — пока.

У операторов тоже есть возможность подзаработать — окно банков-

ских услуг, в котором работник выступает как банковский агент и при выполнении плана получает вознаграждение. Можно быть и торговым агентом — всем же известно, что на почте продаются порой неожиданные товары, от лотерейных билетов до шампуня.

— При желании можно заработать, — считает Марина Фетисова. — И когда я провожу собеседование, то говорю только о плюсах работы у нас — минусов здесь я не вижу. График у нас скользящий, можно договариваться в коллективе. Коллектив — семья, здесь такая атмосфера. Еще я, например, говорю кандидату: сейчас в Москве очень трудно найти работу, а вы здесь рядом живете, вам не надо тратить на дорогу. Мы говорим: вот вы пришли и думаете, что почта — это марку наклеить и продать, не очень трудоемкое занятие. Неправда. Тут много операций, которые вы должны знать, и нам бы хотелось, чтобы вы сначала «пощупали» работу. Нам не нужен человек на день, на три часа, на неделю — нам нужно навсегда.

Если у вас есть минут 20 свободного времени, посмотрите, посидите. Пойдете домой, ночь переспите и решите, надо ли вам это или нет.

Впрочем, не все кандидаты слышат такое (неплохое, конечно) предложение: у Почты России есть профессиональный центр подбора персонала. Как и учебный центр, который готовит не только операторов, но и начальников отделений. Там и уже действующие работники могут пройти курсы повышения квалификации. Что очень даже полезно для всех, но особенно для молодых специалистов.

— У нас, кажется, сейчас больше 35% сотрудников по Москве — люди до 30 лет. На самом деле почта — это школа большая. Школа жизни, школа производства, школа культуры труда, социальная адаптация, — уверена Ирина Сахарова. — Не зря Марина Викторовна сказала, что вы сначала посмотрите, поймите изнутри, что такое почта. Это целая система производства.

Надо сказать, что система эта включает в себя и культуру производства. Что применительно к почте

означает мастерство общения с клиентами. Наверняка многие, стоя в очереди к окошку, наблюдали не очень-то адекватных людей, которые выливали раздражение на почтовых операторов. От «девушка, нельзя ли побыстрее» до «вот потому-то все в России и плохо, что такие, как вы...». А девушка просто последовательно и по инструкции выполняет свою работу. И должна спокойно реагировать на подобные реплики, не идти на поводу у эмоциональной провокации. И если раньше это было просто пожеланием, то теперь — стандарт работы. Потому что если его не выдержал, то поставил под удар репутацию учреждения.

— Здесь учатся разговаривать с людьми, общаться с клиентами. А клиенты бывают разные, — подтверждает Марина Фетисова. — Наша задача культурно, ласково обслужить, успокоить, даже о чем-то с клиентом немножко поговорить. Сколько на меня в свое время кидались, когда я работала оператором... Неадекват был полнейший у людей. Но у нас такая работа, мы ее выбрали.

Председатель объединенного профсоюзного комитета при УФС Москвы Ирина Сахарова и начальник почтового отделения Москва-313 Марина Фетисова. На фото слева — председатель профсоюза работников связи России Анатолий Назейкин и гендиректор ФГУП «Почта России» Николай Подгузов регулярно обсуждают проблемы и перспективы предприятия.

ЧУВСТВОВАТЬ НЕРВ

Сама начальник отделения тридцать лет назад выбрала не только работу на почте, но и профсоюз — работников связи. И, став руководителем, не изменила своему выбору. При этом членов профсоюза среди работников отделения только около 60%. То есть кому-то такая ситуация может показаться непонятной, дескать, «раз начальник состоит, то и все остальные должны». Но Фетисова никого не неволит, поэтому цифра настоящая.

Те, кто не пожелал вступать в профсоюз, делятся, по словам Ирины Сахаровой, на несколько категорий. Во-первых, те, кто «уже свое пожил» и знает, что такое «эти ваши профсоюзы». Такого поздно переубеждать, даже если он хороший работник. Во-вторых, молодежь, которая нередко довольно легкомысленно относится к жизни. Наконец люди, которые по объективным (а не прижимистым) причинам берегут каждую копейку и пока не могут себе позволить платить профсоюзный взнос. Но, исходя из сказанного выше, есть надежда, что последних вскоре станет меньше, а членов профсоюза в отделении — больше.

Членов профсоюза, так или иначе, в отделении большинство. И это большинство позволяет коллективу в целом пользоваться условиями колдоговора. По словам Марины Фетисовой, среди сотрудниц часто встречаются одинокие мамы (а женщины вообще составляют 80% работников). И социальная направленность коллективного договора обусловлена объективными причинами. (Колдоговор на Почте России единый, распространяется на все отделения независимо от региона и подписывается генеральным директором ФГУП **Николаем Подгузовым** и председателем профсоюза работников связи России **Анатолием Назейкиным**.)

Так, летний отдых для детей на 70% оплачивается профсоюзной стипендией. Предусмотрена материальная помощь при трудных жизненных ситуациях. Что немаловажно — по колдоговору не ниже МРОТ должна быть не вся зарплата, а тарифная ставка. Значит, все надбавки будут плюсоваться к «минималке», а не «съедаться» ею. Казалось бы, Конституционный суд еще в декабре 2017 года вынес соответствующее постановление, но многие работодатели как-то умудряются спорить с самим КС... Почта России, как видно из колдоговора, в число таких организаций не входит.

— Помощь предприятие оказывает малообеспеченным семьям. Дотации даются на санаторно-курортное лечение — и детское, и взрослое. У нас есть негосударственный пенсионный фонд, очень большая доля по социальным выплатам приходится именно на НПФ, — рассказывает Ирина Сахарова. — Люди, которые отработали свыше 15 лет на предприятии, к своему юбилею получают премию в размере оклада. Подарки к Новому году, билеты на новогодние елки, в том чис-

ле на Кремлевскую... Отдых, экскурсии — в обязательном порядке. На экскурсии люди ездят охотно, общаются, делятся опытом, рабочим и жизненным. Это сплачивает коллектив.

Как, собственно, и профсоюз. Но нельзя не сказать, что в случае с отделением 119313 такую сплачивающую роль играет и его начальница. Не хотелось бы в серьезном издании петь кому-то дифирамбы, но если вам доведется пообщаться с Мариной Фетисовой, вы поймете, о чем именно речь. Человек, как ни крути, отработал в этом месте тридцать лет и знает не только то, о чем говорит, но и то, что чувствует.

— Я считаю, главное, что мы работаем для клиентов. Но сама атмосфера внутри коллектива должна быть близка к идеальной. Мы все должны понимать, что мы делаем и для чего мы тут. Единая цель у нас должна быть. Мы помогаем друг другу всегда. Все идет изнутри. А если у нас все в порядке между собой, то у нас все в порядке и с той стороны окошка, там, где клиент. Думаю, что на многих почтах так.

Павел ОСИПОВ

КОНДИТЕРСКАЯ ФАБРИКА
21-60-20 www.sladosti35

Фабрика. Директор. Профсоюз

О том, как председатель профкома привела директора на предприятие и что из этого вышло

Добиться сохранения предприятия, возродить производство и создать стабильные рабочие места смогли в ЗАО «Кондитерская фабрика» в Вологде. И это — совместная победа ее директора и профсоюзной организации. О том, как возрождалось предприятие, о гарантиях его работникам и отношении к профсоюзу рассказывает директор фабрики Раиса ИВАНОВА.

ТАК И БЫЛО

— Я до сих пор помню, когда ко мне подошла одна из наших работниц, в слезах, и говорит: «Спасибо вам большое за обед, я так давно не ела печенку»... Это был 1998 год.

Мы сидим в кабинете директора вологодского ЗАО «Кондитерская фабрика» **Раисы Ивановой**. На столе блюдечки с россыпями разноцветного мармелада (есть даже со вкусом можжевельника!), конфет, монпансье, зефира... И как-то не увязывается все это сладкое изобилие с тем, что рассказывает мне директор. А говорит она о первых годах своего руководства фабрикой, спасти которую Раису Ильиничну пригласила председатель профкома предприятия.

— Я работала на фабрике году в 86-м, а потом меня перевели в Объединение пищевой промышленности. И уходила я с успешного предприятия, — вспоминает Иванова. — А потом фабрику начали банкротить. Меня нашла председатель профкома **Кузнецова Наталья Николаевна** (к сожалению, она ушла в мир иной) и сказала: «Возвращайтесь! У нас все получится!» И я решилась. Помню, когда в 1998 году подошла к фабрике, ужаснулась. Словно на машине времени перенеслась в послевоенный период: разруха, битые стекла, отключено тепло, электричество... Стало просто страшно. Но я пообещала коллективу вернуться и не могла отступить. Наверно, невозможно то, на что вы не можете решиться. Надо в жизни преодолевать себя и делать больше, чем хотелось.

На тот момент на предприятии оставалось около 30 работников. Среди них — председатель профкома и несколько членов профсоюза. Восстанавливать предприятие стали вместе — директор и профлидер. По словам Раисы Ильиничны, именно председатель профкома активизиро-

вала департамент сельского хозяйства, обком профсоюза агропромышленного комплекса, власть, чтобы там поддержали и поверили в коллектив.

— Наша председатель профкома была настоящим лидером, — говорит директор. — Она и мне говорила: давайте, у нас получится! Когда шла конкурсная комиссия — кому отдать, некоторые вообще хотели продать фабрику. Был и подходящий покупатель с миллионом. У меня ничего не было. Но благодаря профсоюзам области и департаменту сельского хозяйства все-таки решили сдать нам фабрику в аренду, потому как выкупить ее мы не могли. Что мы сделали — создали акционерное общество. Выработали программу развития, на имеющихся площадях что-то восстановили для запуска производства. А выпускать стали сначала наше любимое монпансье. У нас не было ни копейки, работали очень жестко: сначала деньги — потом товар. А еще мы видели: люди хотят работать. Как горели их глаза, когда они поверили в то, что у фабрики есть будущее!

*Директор ЗАО «Кондитерская фабрика»
Раиса Иванова.*

Несмотря на имеющиеся трудности, на ЗАО «Кондитерская фабрика» ежегодно расширяется ассортимент продукции, растут объемы производства. И на сегодняшний день предприятие прибыльно.

А вот в Вологде уже никто не верил в возрождение предприятия. Фабрика, можно сказать, ушла со сцены, ее продукцию забыли. Городские газеты писали, что предприятие больше работать не будет. А директор и предпрофкома в своих комментариях говорили обратное. Да, не было денег. Да, не было рынка сбыта. Участвовали в выставках, где за продукцией стояла очередь. Это придавало уверенность в работе. А потому, вспоминает Иванова, и она сама, и председатель профкома, и другие работники ездили по магазинам и предлагали выставить продукцию фабрики на прилавки. Где-то соглашались, где-то отказывались, но производство не останавливалось.

ГАРАНТИРОВАНО КОЛДОГОВОР

Между тем оставшиеся на фабрике работники не получали зарплаты больше года. Последствия понятны.

И тогда директор Иванова принимает решение: надо кормить людей на работе. Бесплатно. И решение это становится одним из пунктов первого после банкротства коллективного договора фабрики. Пунктом, действующим до сих пор.

— Мы сами разгребли все завалы, которые были в комнатах приема пищи, — Раиса Ильинична смотрит мимо меня, словно в тот далекий год, когда было особенно трудно и страшно. — 13 ноября 1998 года мы организовали общество, а 1 декабря мы уже дали первую конфету (представляете, как люди самоотверженно работали!) и первый обед. Заключение договора со столовой, возили обед в термосах, всем одинаковый, впрочем, как и сейчас. И в самом первом обеде на второе была печенка... Я навсегда запомнила, как обрадовались люди.

Первый коллективный договор на фабрике был заключен в конце 1998 года. Помимо бесплатного питания

было решено гарантировать кондитерам еще и бесплатный проезд к месту работы и обратно. И не только.

— Наша фабрика находится в промзоне, автобус для развоза работников нам было купить не на что, — продолжает Раиса Ильинична. — И тогда мы приняли решение покупать людям проездной билет. Правда, сейчас немного изменили подход — доплачиваем к зарплате каждого ту сумму, которую он затратил, из расчета стоимости проездного билета. Кроме того закрепили пункты о предоставлении материальной помощи в различных случаях жизни: свадьбы, юбилеи, дни рождения. Дополнительный выходной для родителей первоклассников.

Не только гарантия бесплатного питания — все эти пункты коллективного договора действуют и сейчас. Хотя на фабрике работает порядка ста человек, так что затраты на соцпакет для них весьма существенны.

— Я просто уже не могу пойти назад, поэтому надо искать резервы и все-таки сохранять гарантии, — говорит Иванова. — Вот как это? Больше 20 лет давать людям, например, бесплатное питание — и вдруг сказать, что это отменяется?! Не могу я себе этого позволить. Моя душа не позволяет себе это сделать, и ум тоже... Для меня главное — люди, это залог успеха компании.

С годами в колдоговоре появились и новые гарантии. Например, добровольное медицинское страхование для сотрудников фабрики, проработавших больше года. Есть доплаты сотрудникам, чья работа связана с компьютерной техникой. А недавно на предприятии была проведена спецоценка условий труда. И работники всех профессий, у которых были установлены вредные условия труда, получают соответствующие доплаты и дополнительный отпуск. Средняя зарплата кондитеров регулярно подрастает.

РАБОТОДАТЕЛЬ И ПРОФСОЮЗ

Есть на кондитерской фабрике и свои традиции, зародившиеся еще в конце 90-х годов.

— С профсоюзной организацией мы не только работаем вместе, мы и живем вместе, — продолжает директор. — Все праздники организовываем и проводим вместе, сами готовим концертные номера. Привлекаем семьи, чтобы дети знали, кем работают мамы и папы. Проводим соревнования на нашей территории. И ветеранов не забываем, 1 октября всегда приглашаем их на предприятие. Если не могут прийти, значит, мы едем к ним и поздравляем. Мне важно, чтобы мы были одной семьей, чтобы мы были едины, чтобы понимали, для чего мы работаем. Только вместе можно достичь результата.

В Федерации профсоюзов Вологодской области ежегодно чествуют трудовые династии разных

предприятий. Как рассказали мне в пресс-службе федерации, Раиса Иванова — единственный работодатель, который вместе с председателем профкома сама приводит на это мероприятие свою династию, своих работников и сама же о них рассказывает.

— Что — и разногласий с профкомом никогда не было? Трудовых конфликтов, например? — спрашиваю я.

— За 21 год моего руководства фабрикой серьезных каких-то разногласий не было никогда, — отвечает Раиса Ильинична. — Мы всегда понимали друг друга. Мы и выжили лишь только потому, что были вместе с профсоюзом. Если в чем-то мы не сходились, то мы друг друга убеждали и старались понять — один на один с председателем профкома. И люди чувствовали наше взаимопонимание, что и повлияло на то, что предприятие стабильно работало и наращивало объемы производства, улучшались условия труда.

Сейчас в ЗАО «Кондитерская фабрика» все работники, включая директора, состоят в профсоюзе. Как рассказала Иванова, о коллективном договоре и профсоюзной организации люди узнают сразу, придя на работу на предприятие. И больше чем за 20 лет ни одного случая выхода из профсоюза не было.

— Некоторые руководители часто спрашивают меня с недоумением: зачем тебе профорганизация — головная боль?! Зачем ты заключаешь коллективный договор? — улыбаясь, говорит Раиса Ильинична. — А я считаю предпрофкома помощником руководителя. Ведь решение огромного количества возникающих у работников вопросов она берет на себя. И колдоговор я считаю внутренним законом предприятия, где профорганизация договаривается с работодателем, работодатель до-

говаривается с профорганизацией. Там четко распределено, кто и что должен делать, расписаны все социальные льготы, положения о премировании. И людям понятно, чего ожидать.

ФАБРИКА СЕГОДНЯ

— Несмотря на все трудности, мы все равно ежегодно расширяем ассортимент, обновляем основные фонды, — с гордостью говорит директор фабрики. — Кроме этого растут объемы производства. Предприятие на сегодняшний день прибыльно.

Визитная карточка фабрики, а теперь и региона — набор конфет «Вологда» и знаменитая вологодская «Клюковка». А еще — зефир и мармелад. На предприятии стараются использовать дары Вологодчины — клюкву и лен, бруснику и иван-чай, в зефир добавляют мор-

скую капусту. А фабричное монпансье в минувшем году поставлялось на продажу в города, где шли игры чемпионата мира по футболу. Расширяется ассортимент, развивается предприятие, и попасть сюда на работу непросто.

— Вы не поверите, первое время трудились в четыре руки, — улыбаясь, говорит директор Иванова. — А сейчас мы уже записываем в резерв на работу! К тому же мы гордимся тем, что больше чем за 20 лет ни разу не задержали людям зарплату. И стараемся ее увеличивать регулярно. В этом году, например, с 1 февраля увеличили оплату труда на 30%. Наша задача — чтобы работники получали достойную зарплату и могли жить, а значит, и работать, достойно.

Наталья КОЧЕМИНА

ШАГ ЗА ШАГОМ К ПРОФСОЮЗНОЙ ПОБЕДЕ!

**«Солидарность» представляет
настольную игру
«Приключения профсоюза»
для детей и взрослых**

**В коробке:
поле, кубик, 4 фишки
+ профсоюзный
словарик**

- Развлечение со смыслом на молодежных форумах, слетах, семинарах
- Забава и обучение для детских профсоюзных смен и уроков
- Лучший подарок или приз на профсоюзных конкурсах

**По вопросам приобретения звоните: 8-800-777-84-26,
пишите: sales@solidarnost.org**

Цена 500 руб.

Парень с площади Ленина

Председатель Росуглепрофа о хулиганстве, забастовках
и кровном родстве с отраслью

Он мечтал плавать по морям, но 12 лет проработал под землей. В детстве любил нарушать устоявшиеся правила, но большую часть жизни защищает законные права работников угольной отрасли. Он знает, как выжить в барাকে, умеет предотвратить бунт и организовать забастовку, добиться перемен в уставах и эшелонах власти. На вопросы журнала ответил председатель Росуглепрофа, член Российской трехсторонней комиссии и Общественной палаты РФ Иван МОХНАЧУК.

Биография

МОХНАЧУК Иван Иванович родился в 1958 году в городе Инте Республики Коми.

1976–1977 гг. — ученик электрослесаря, подземный электрослесарь шахты «Пионер» ПО «Интауголь».

1977 гг. окончил Интинский индустриальный техникум по специальности «горная электромеханика».

1977–1979 гг. — служба в армии.

1980–1989 гг. — подземный электрослесарь, подземный горный мастер, начальник участка ремонтно-забойного оборудования, подземный механик добычного участка шахт «Пионер» и «Глубокая» ПО «Интауголь».

1989–1991 гг. — председатель Интинской ассоциации профорганизаций работников угольной промышленности.

1991–1998 гг. — заместитель председателя Российского независимого профсоюза работников угольной промышленности.

1995 г. — окончил Академию труда и социальных отношений по специальности «экономика и социология труда».

С 1998 г. — председатель Российского независимого профсоюза работников угольной промышленности.

С 2000 г. — член Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений.

2001 г. — окончил Академию труда и социальных отношений по специальности «юриспруденция».

2004 г. — защитил в ЦНИИ экономики и научно-технической информации угольной промышленности кандидатскую диссертацию, кандидат экономических наук.

С 2005 г. — вице-президент Международной федерации профсоюзов работников химической и горнодобывающей промышленности, энергетики и других отраслей (ICEM), председатель ее региональной организации по Восточной Европе, Центральной Азии и Закавказью.

С 2009 г. — член Общественной палаты РФ, председатель комиссии по трудовым отношениям и пенсионному обеспечению.

С 2012 г. — член президиума и исполкома IndustriALL.

С 2013 г. — член Центрального штаба Общероссийского народного фронта.

В период избирательной кампании Иван Мохначук входил в предвыборный штаб и был доверенным лицом кандидата на должность президента РФ **Владимира Путина**.

Награжден: орденом Дружбы; медалями ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, «В память 850-летия Москвы», «За особый вклад в развитие Кузбасса» I и II степени; нагрудным знаком «За активную работу в профсоюзах». За заслуги в развитии топливно-энергетического комплекса присвоены звания «Почетный работник топливно-энергетического комплекса», «Почетный работник угольной промышленности». Является кавалером знака «Шахтерская слава» трех степеней.

Начало 1990-х годов. Иван Мохначук — заместитель председателя Росуглепрофа. Слева: В 1989 году по стране прокатилась волна шахтерских протестов. Забастовка в Междуреченске, Кузбасс.

На фото справа: среди участников митинга шахтеров на Горбатом мосту у Белого дома, 24 января 2007 года.

МИНУС СОРОК, КРАЙНИЙ СЕВЕР

— Иван Иванович, коллеги по профсоюзам нередко говорят, что угольная отрасль у вас в крови...

— Да, это мне действительно передалось по наследству (улыбается). Мои родители всю жизнь проработали в шахте, и отец, и мама, которая трудилась там до 1961 года, пока женщин не вывели из-под земли.

— Тогда предлагаю построить нашу беседу по порядку, от рождения, так сказать.

— Я родился в Инте, в Республике Коми. В суровую морозную зиму. Родители рассказывали, что в тот день на дворе было минус 40. Про свое детство могу сказать, что проходило оно в нужде, труде и хулиганстве. Одно из самых ранних воспоминаний — как у нас появились санки. Их в начале 60-х годов прошлого века попросту негде было взять в Инте. И тогда нам, детям, санки сварили на шахте из катанки — это металлический прут такой. Хорошо помню: мы выходим из барака и идем с мамой на ее работу. Она толкает санки

и тащит за руку моего старшего брата. А мы с младшей сестрой сидим на этих санках ноги к ногам. На улице метель, снег кругом, мороз и темно. Но девать нас было некуда, детских садов не было.

— Ваша семья жила в бараке?

— Да. Я родился в бараке, жил в бараке, в армию ушел из барака, вернулся в него из армии и жену в барак привел... Чтобы вы представляли, что это был за «дом», поясню. У нас вечная мерзлота, и венцы — такой тип фундамента барака — лежали прямо на земле. На них сделан каркас, обшитый досками и засыпанный шлаком, настелены пол и крыша.

Сначала мое детство проходило в лагерном бараке: посередине коридор, комнаты отдельные, печки топились из коридора. Порой было тепло, но зимняя метель просто выдувала тепло изнутри. А если сильный мороз,

то утром картина такая: плитусы белые, половики к полу примерзли. Дышишь — и пар изо рта. Спортивный костюм из-под подушки достанешь, под одеялом наденешь, и только тогда можно вставать. А на кухне ведра с водой с вечера стоят, чтобы утром умыться. Но утром вода в них уже покрылась льдом, который надо колоть. Мама пораньше встанет, печку натопит, чтобы хоть какое-то тепло было. Удобств никаких — ни бани, ни туалета. Как Высоцкий пел, «на 38 комнаток всего одна уборная», и та через дорогу. Зимой, когда минус 40, в уборную пойдешь, там посидишь — всю жизнь помнишь. Я на шахту в баню к отцу мыться ходил, благо она всего в километре была. Помню, как шахтеры выходили из шахты — все черные, лишь зубы и глаза блестят. И мы сидим с братом, такие два шахтерика, ждем. В бане помоемся и идем домой.

Потом мы оказались, можно сказать, уже в лучших условиях, потому что в следующем нашем бараке жили только две семьи. Но всегда приходилось много трудиться. Зимой снег чистишь, водуносишь. Осенью сарай ремонтируешь, уголь засыпаешь, дрова пилишь пилой «Дружба-2», колешь, складываешь.

— Жестко. Наверное, в таких условиях было не до школьных занятий?

— В школе у меня дело сложное шло, хотя в первый класс я пошел уже умея читать и считать, причем не только в рамках сложения-вычитания, но и умножения и деления. К тому же папа с детства научил меня играть в шахматы... Вроде бы готовый ученик, но через какое-то время мне стало скучно, и я начал потихоньку хулиганить. Отец так говорил о нас со старшим братом: «Вот бы Пете половину Ваниных гуля-

нок, а Ване — Петиных сиделок дома. И были бы золотые дети». Поскольку того из дома не выгонишь, а меня в дом не загонишь. Младшая сестра и брат учились хорошо-отлично, а я — никуда. Маму вызывали каждую неделю. А у меня было три дневника: для папы, мамы и учительницы.

Дрался, заступаясь за младшую сестру. Помню,шибко поколотил парня, который ее обидел, и в драке мебель школьную переломал. Хотели даже исключить из школы. Но зато после этого сестру никто и пальцем не трогал. Знали, что есть я — брат, который оторвет голову, если ее кто-то обидит.

ШАХТА В «НАСЛЕДСТВО»

— Наверное, вопрос о выборе профессии лишний, но все-таки я его задам. Сразу знали, что будете работать в шахте?

— Нет. Дело было так. До 7 класса меня из школы выгоняли, терпели только из-за того, что мама ходила. А потом я загорелся поступать в Херсонское торгово-мореходное училище. Спортom я занимался всегда, здоровья хватало, но мне сказали, что для поступления нужно еще и учиться! И я начал *(улыбается)*. В итоге 8 классов окончил без троек и с пятерками по половине предметов. Учителя обалдели: «Что это с Иваном вдруг произошло!»

Окончив школу, я отправил документы в Херсон и ждал вызова на экзамены. И вдруг приходит отказ: «В связи с вашим неудовлетворительным состоянием здоровья к экзаменам вы не допущены». Я был, мягко говоря, удивлен. Как это? Я был чемпионом Республики Коми по боксу, и на лыжах бегал, и в баскетбол играл. Пацаненком был, если кто полезет — сдачу мог дать любому. Но не допу-

стили. Тогда я подал документы в наш Интинский индустриальный техникум, куда и поступил по специальности «горная электромеханика». Первый год дурочку валял, скучно было. Думал: что я тут делаю? А потом начал учиться и окончил техникум почти на отлично.

— Ну, теперь была одна дорога — работать в шахте. Наверное, взяли сразу, ведь и образование необходимое было, и родители там всю жизнь трудились?

— Да, по окончании техникума я пришел на шахту «Пионер», где мой папа трудился бригадиром проходчиков. А когда он уходил на пенсию, сказал: «Ваня, я тебе в наследство шахту оставляю». (Какое там наследство — советская власть на дворе!) И вот я пришел: «Возьмите меня на работу!» Но не все было так просто. Тогда шахты гремели на всю страну, и наша была передовой. Приема на работу не

было. Но на нашей шахте меня знали все, включая директора, — шустрым я пацаном был. Видимо, поэтому директор, немного повозмущавшись: ничего себе «наследник» нашлся! — все же решил меня на работу взять.

Помню свой первый рабочий день — 3 августа 1977 года. Наш бригадир по прозвищу «Тато» поставил меня с товарищем на забой, грузить породу. И мы нагрузили вагонов пять. Лопатой, вручную. С шахты пришел домой, вечером пошел на танцы, пришел домой и упал спать. Мама будит утром в 4:30. (А мы работали в «дику» смену: в 4:30 утра встаешь, в 5:30 на шахте.) Встаю — руки-ноги болят, не привык к такой нагрузке. Еле встал, пришел на шахту. Хорошо, что поставили трубы носить, наращивать под землей пожарный став. Отработали. Пришел домой еле-еле, часа в три дня. И упал спать — и до полпятого утра. Такими у меня первый и второй

С председателем ФНПР Михаилом Шмаковым после вручения почетной грамоты за вклад в развитие профсоюзов. Генсовет ФНПР, 18 апреля 2018 года.

рабочий день были. А потом втянулся. Когда уходил в армию, проводили достойно, подарили бритву и часы. Сказали: служи, ждем, вернешься.

— **И вы вернулись туда же?**

— Да, пришел на шахту, и в 22 года меня назначили на проходку механиком участка. А это — три проходческих забоя, больше 140 человек в подчинении. Потом работал горным мастером добычи, далее — начальником участка ремонтно-забойного оборудования, подземным механиком добычного участка шахты «Пионер» и шахты «Глубокая».

В общей сложности под землей я проработал 12 лет. Ну, а в 1989 году начались шахтерские протесты, и меня избрали председателем забастовочного комитета, подтвердив полномочия сначала на конференции, потом на митинге. Поэтому я в профсоюзе не чиновник, а просто парень с площади, который пришел в профсоюз.

30 ЛЕТ НАЗАД

— **Иван Иванович, расскажите, пожалуйста, почему тогда началась шахтерская забастовка?**

— В СССР шахтеров обеспечивали всем. И пайки были, и прочие преференции. А в 1989 году все это закончилось. Сначала забастовали шахтеры в Кузбассе. В ответ на это по всем шахтам СССР была разослана телеграмма — красный бланк — за подписью **Михаила Горбачева**: требования шахтеров Кузбасса справедливые, будут выполнены в полном объеме. Потом Донбасс объявил забастовку. Приходит вторая телеграмма того же содержания. Если бы в Москву пригласили делегатов со всех шахт для обсуждения проблемы, то всесоюзной забастовки не было бы. А так, по сути, эти телеграммы были провокационными. Узнав, что протесты в Кузбассе позволили шахтерам

добиться заверений руководства страны об исправлении ситуации, на забастовки начали подниматься и другие регионы: Караганда, Воркута, Инта, Сахалин, Приморье... Люди выходили на протест хаотично, волной по всему СССР.

— **А как это происходило на шахтах в Инте?**

— Тогда у каждой шахты были свои коровники и свинарники. У нас было свое подсобное хозяйство «Большая Инта», где для обеспечения шахтеров и подведомственных шахте учреждений — больниц, детских садов — выращивали скот, получали молоко. Мы сами ездили на заготовку сена.

Помню, в июле 1989 года, когда на Кузбассе уже началась забастовка, иду рано утром на шахту. Я тогда уже был механиком участка по добыче угля в «дикую» смену и приходил на работу еще до 5 часов утра, чтобы

На одном из заседаний Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений (РТК), 2019 год.
На фото справа — дискуссия с министром труда Максимом Топилиным о предстоящем повышении пенсионного возраста на совещании профсоюзной стороны РТК, 15 июня 2018 года.

выписать людям наряды на работу. Иду и встречаю директора, председателя профкома, парторга, еще кого-то из хозблока... Они собрались ехать на сенокос. Поздоровались мы, и я говорю директору: «Вы куда едете, шахтеры же бастуют?!» Он отвечает: «Чего ты воду мутишь? Я вагон рыбы привез, капусты привезли, мы шахтерским семьям раздали пайки, у нас все вроде нормально, нас это не коснется». Но я же в рабочей среде нахожусь, слышу, что люди говорят после правительственных телеграмм, и мое дело было сказать: «У них требования признали справедливыми, а мы что?!» Понимал тогда, что и на наших шахтах без забастовки не обойдется.

Руководство меня не услышало, а так и вышло. Буквально через час звонят мои мужики из забоя, кто на смене был: «Мы из забоя выходить не будем — объявляем забастовку». Я им пообещал, что если они вый-

дут, то я открою актовый зал в шахтоуправлении, где они смогут сидеть и бастовать, чтобы не под землей. Прихожу к начальнику смены, тот в отказ: 6 утра, мол, не открою. Тогда я пообещал выломать дверь. И ключ мне отдали. Мужики вышли, сели. Принцип был такой — ни тонны угля, ни метра проходки. И в последующие рабочие смены занимались не добычей угля, а профилактикой. То есть крепили выработки, ремонтировали оборудование — потому что потом все равно нам туда идти работать. Не знаю, откуда ума хватило на это.

— **В итоге, как я понимаю, в тот день сенокос не состоялся?**

— Да. Прибегает директор, начальники... Но безрезультатно. Люди решили бастовать. А потом в руководстве города сообразили провести городскую конференцию, чтобы как-то утихомирить народ. Сидим с **Мишей Гуляевым**, начальником участка у нас был, а в ДК идет конференция.

Он предложил: «Пойдем послушаем, что там».

Пришли. В президиуме сидят секретари горкома партии, председатель теркома профсоюза, член теркома, зам гендиректора и двое работяг. Зал битком набит, встать негде. Весь город сошелся — шахтерский же! Там же больше ничего нет, и на шахтах 25 тысяч работников. Сидим. Стали выбирать забастовочный комитет. И предлагают включить в него первого секретаря горкома партии, председателя теркома профсоюза, зампреда горисполкома. И черт меня возьми да и дерни — я и говорю: «Мужики, вы что, обалдели?! Шахтеры встали против них — а мы их в забастовочный комитет!» Зал как взорвался! Всех снесли. Избрали шахтеров.

Вдруг вопрос звучит: «А где этот молодой пацан, который орал? Я предлагаю его в забастовочный комитет включить». (Мне был 31 год.) Меня предложили и избрали. Даль-

ше перерыв объявили, мы сели с забастовочным комитетом, мне сказали: иди выступай. Я обозначил, какие должны быть требования. Договорились забастовку приостановить и провести митинг. А потом меня избрали председателем забастовочного комитета.

Мы занялись формированием требований, наверное, больше двух с половиной суток не спали. Потом был городской митинг. Жара на улице градусов за 30. Ночь бела, солнце палит. Собрались на городской площади порядка 15 тысяч человек. Мы почему город-то удержали от хаоса? Потому что я пришел на городское радио и потребовал: «Я председатель забастовочного комитета, мне нужно с народом разговаривать!»

— **И допустили?**

— Не сразу, конечно. Помню, редактор говорит: «Ты что, обалдел? Советская власть, КПСС... Как я дам радио — а вдруг завтра объявят чрезвычайную ситуацию?» Мы

пишем требование забастовочного комитета: предоставить радио. Редактор этой бумагой прикрылась. Ставлю микрофон, сажусь, говорю: «Уважаемые интинцы, с вами разговаривает председатель забастовочного комитета Мохначук». Рассказываю в прямом эфире, что мы делаем, как развивается ситуация. Все сидели и слушали радио дома, и в городе было спокойно. Тишина. Ни драк, ни шума. Мы запретили продажу спиртного. Из-за этого, правда, возник скандал. Из Ухты завезли пиво, оно начало портиться, и его втихаря стали продавать. Но мужики это дело пресекли.

— **А как митинг прошел, тоже без происшествий?**

— И с митинга тоже велась трансляция. Те, кто не участвовал в нем, могли все слышать, сидя дома. Чтобы вы понимали, Инта — это же бывший ГУЛАГ, и дети там понятно чьи. Призывы были вплоть до того, чтобы взять автоматы!

Центральная городская площадь Ленина. Мы взяли бортовую машину, борта опустили, микрофоны поставили, и народ стоит вокруг. За спиной — горком партии. А вокруг призывы: снести горком партии, разогнать всех коммунистов! Я честно скажу: перед тем как я вышел к людям, у меня был мандраж. Выпил валерьянки, вроде успокоился. А когда я объявил общегородскую забастовку, первый секретарь горкома партии упал в обморок. Мы весь город остановили полностью — шахты, предприятия, а потом сняли главу города, на городской партконференции разогнали горком партии... Переизбрали секретарей.

Были хорошие люди, которые нам помогали. Прокурор города, хитроватый мужик, тоже боялся, но подсказывал, как правильно себя вести, чтобы не нарушить закон, не сесть за решетку. Мы там много нашустрили! А потом сделали первое в Советском Союзе шахтообъединение — концерн. Шахты получили самостоятельность, стали народными.

С заместителем председателя ФНПР Ниной Кузьминой на заседании Общественного совета при Минтруде. Декабрь 2016 года.

ПРОФСОЮЗ ВМЕСТО ВЛАСТИ

— Как потом развивалась ситуация лично для вас?

— Я не собирался идти в профсоюз работать. Мы власть в городе разогнали, и нужно было председателя исполкома Интинского городского совета народных депутатов избирать. Было 17 кандидатов. Помню, меня спрашивают: «Вань, а чего ты не идешь избираться?» Я в шутку и ляпнул: мол, никто не выдвигает. Заседание комиссии прошло, кандидатуры рассмотрели. А потом мне сообщают, что меня выдвинули на этот пост. И из 18, считая меня, кандидатов сразу осталось четверо, так как все понимали, что проиграют. Но я-то тоже понимал, что если я пойду, как сейчас это называется, мэром... Какой я мэр? Ни опыта работы, ничего. А на носу зима, и город надо к ней готовить.

В итоге, посоветовавшись с забастовочным комитетом, решили, что лучшая кандидатура — **Александр Павлович Боровинский**. Мужик

принципиальный, работал в ПГО «Полярноуралгеология». Я позвонил ему и спросил, согласится ли он? Боровинский сказал, что если избран — будет работать. Его избрали. А в 1992 году он был назначен председателем Государственного комитета Республики Коми по геологии и использованию недр, в июле 1994 года — министром природных ресурсов республики.

— А вы выбрали для себя профсоюзную работу...

— Была отчетно-выборная конференция, ведь терком профсоюза мы тоже разогнали, так как народ им не доверял. Мне предложили баллотироваться на пост председателя. Я посидел пару ночей, и мы написали с товарищами устав Ассоциации интинских профсоюзных организаций, полностью убрав советскую нормативную базу. Меня избрали.

Я пришел работать в профсоюз, еще не понимая, зачем мне это, что надо делать. Понятно, что пришел «на контрах», потому что забастовочные комитеты на каждой шахте были в

конфликте с профсоюзами. И в профкомах против меня, как председателя забастовочного комитета, люди были настроены. Но раз избрали — никуда не денешься, надо работать. И я начал постигать азы. Я благодарен **Людмиле Костроминной**, которая была тогда председателем банка в Инте. Она объяснила мне, что такое профсоюзный бюджет, профсоюзные деньги, деньги соцстраха, деньги работодателя. Вроде что-то понял. Потом начал заниматься колдовством, социальной защитой.

— Как восприняли появление Ассоциации интинских профсоюзных организаций в ВЦСПС?

— Представьте: в нашем теркоме профсоюза сидит девушка, у которой задача из ВЦСПС — собирать статистику: сколько кур у людей, сколько свиней, какие дворы. ВЦСПС этим занимался. Я сказал: разве ВЦСПС должен этим заниматься?! Порвал бумаги, выкинул — никаких ответов! Потому мы и сохранили численность, перестав заниматься непрофсоюзными

функциями. А когда зарегистрировали ассоциацию, которая до того была незаконной, нужно было зарегистрировать устав. Я приехал в Москву. А меня в ВЦСПС не пускают! Прошел с боем. И к председателю. Тогда председателем ВЦСПС был депутат Верховного Совета **Степан Алексеевич Шалаев**. Показал устав, объяснил, поговорили. И наш устав утвердили и зарегистрировали. Вот так мы создали первую в СССР Ассоциацию профсоюзных организаций.

Нам удалось повлиять и на изменения в Совете профсоюзов Республики Коми. В 1990 году там проходила отчетно-выборная конференция, куда мы приехали делегатами. В президиуме конференции сидели мужики с орденами, медалями — шахтеры из Воркуты, Инты, Ухты и... второй секретарь обкома партии. И эти уважаемые люди начинают нам навязывать повестку дня. Я встаю и говорю: «Что здесь делает второй секретарь обкома партии? Это партийная конференция? Мы же на партийную конференцию не приходим, не диктуем, что им делать. У нас — профсоюзная, поэтому я считаю, что надо заменить президиум». В итоге выбрали новый. Сняли председателя Совпрофа Коми. И председателем избрали **Владимира Торлопова**, который впоследствии стал главой республики.

— **Как далее выстраивалась профсоюзная, простите за слово, карьера Ивана Мохначука?**

— У нас не был профсоюза угольщиков России. В конце 1990 года мы начали подготовку к съезду для создания отраслевого профсоюза. Провели встречу региональных лидеров в Кузбассе. Начали выставлять требования Министерству угольной промышленности. На съезде было два кандидата на пост председателя профсоюза: **Виталий Будько** (впоследствии зампред ФНПР) и Иван Мохначук. Избрали Виталия Ивановича. А после съезда он предложил мне стать его заместителем. И на пленуме меня избрали.

Вместе с Будько мы начинали с нуля. Жили в гостинице «Спутник». Ни офиса, ни кабинета — ничего не было. В декабре 1991 года собрали шахтеров — и заключили первое

отраслевое тарифное соглашение в России, подписанное Виталием Будько и **Егором Гайдаром**. Помню, мы пошли его подписывать, а пленум сидит, ждет: либо бастуй, либо не бастуй. А ситуация в стране патовая: инфляция прет, проблем куча. Гайдар понял, что с нами шутить нельзя, надо подписывать. И мы где-то часа в два ночи в кабинете Брежнева на Старой площади, где тогда сидел Гайдар, подписали соглашение. И по нему начали жить.

Это тогда очень выручило шахтеров. Ведь с начала 1992 года цены отпустили, убрали контролирующие органы, инфляция поперла. Шахтеры собрались у Минэнерго, поставили условия, заявили, что мы так дальше жить не будем. А в соглашении у нас был пункт об индексации тарифных ставок. Благодаря этому мы добились повышения тарифных ставок сразу в три раза. По сути, шахтеры не сильно проиграли тогда.

— **Чего нельзя сказать о конце 90-х годов. Протесты шахтеров, лагерь на Горбатом мосту напротив Дома правительства...**

— Да. Тогда началась рельсовая война. Я приезжал в Кузбасс, в город Прокопьевск на шахты. Представьте, люди приходят на работу — и им дают банку тушенки, всю в солидоле, с военных складов. И краюху хлеба. А в Воркуте — хлеб, кусок колбасы, сало, пол-луковицы. Потом к родителю подходит дитё, и шахтер отдает все это ребенку: «Иди домой, покорми брата, сестру». А сам идет в шахту голодный и падает в обморок. Все это происходило на моих глазах! И когда мне говорят, что шахтерам делать нечего и они просто так воду мутят... Извините, это абсолютно не так.

Спасибо огромное **Евгению Максимовичу Примакову**. Когда он стал председателем правительства России в конце 90-х годов, был съезд шахтеров. И он тогда принял решение увеличить дотацию отрасли на 6 млрд рублей. А у нас были долги по зарплате по полгода и больше! Регрессные иски — по году, по два инвалиды не получали. Ладно здоровый мужик: денег нет — пошел где-то подработал. А инвалид — без руки, без ноги где ты подработаешь?!

То есть вообще труба была полная. И когда рассчитались с шахтерами по долгам по зарплате, ситуация в коллективах стабилизировалась.

Дальше государство стало распродавать свои пакеты акций. Пришел собственник. Мы научились работать с ним. Тарифное соглашение было, система отработана. Так и живем.

— **Эффективно ли сейчас взаимодействие с союзом работодателей отрасли?**

— Да. Так мы же, профсоюзы, его сами и создали. Кстати, после смены собственности и ухода государства производительность труда в отрасли, а соответственно, и прибыль выросли в разы. Частный собственник гораздо эффективнее: у людей есть рабочее место, есть зарплата. А нет ее — так мы можем потребовать, потому что знаем, что деньги есть. А у государства требуй не требуй — никогда не хватит.

Тарифное соглашение работает, выполняется. Есть социальная стабильность в коллективах, перспективы. И мы сегодня полностью покрываем все потребности в угле в России. А помимо этого 196 млн тонн угля продаем на экспорт.

ТО, ЧТО ЗА КАДРОМ

— **И все-таки, несмотря на преданность работе, у каждого человека есть свое, личное. Вопрос о ваших увлечениях, интересах, Иван Иванович.**

— Я много читаю, в основном исторические книги. Иногда хожу в театр, на концерты — мне нравится джаз. В свое время я занимался охотой, горным туризмом. А сейчас времени нет, но ружье осталось (*улыбается*). Был грех — и лося валил. Сейчас на лыжах люблю покататься, беговых. Вместе с внуками.

— **Какие планы на жизнь, какие новые вершины для покорения?**

— Работать. Больше пока ничего не планирую. Когда я был доверенным лицом президента РФ, мне предлагали стать министром труда. Но... Меня люди избрали председателем отраслевого профсоюза, и я не хочу никуда уходить. Это — мое.

Беседовала Наталья КОЧЕМИНА

Люди-ракеты

Как соцгарантии могут быть частью обороноспособности страны

Не на всякое предприятие оборонной отрасли можно попасть журналистам — даже если особо скрывать от них нечего. Даже если предприятию есть чем похвастаться: ведь серьезные люди хвастать не любят. Тем не менее «Профсоюзный журнал» — вне рамок визита президента или Дмитрия Рогозина, а, так сказать, по профсоюзной квоте — попал в НПК «Конструкторское бюро машиностроения», которое базируется в подмосковной Коломне. И выяснил, что его сотрудники не только защищают страну изделиями собственного производства, но и сами защищены — плодами социального партнерства на предприятии.

ОТКРЫТАЯ СЕКРЕТНОСТЬ

Писать про предприятия оборонной отрасли всегда сложно: одно слово — секретность. Что и говорить, когда даже краткую лекцию о его истории в местном музее тебе читают в присутствии человека в штатском... Но ничего. Если Родина требует мер безопасности, значит, так надо. И все-таки, побывав в АО «Научно-производственная корпорация «Конструкторское бюро машиностроения»», мы смогли узнать довольно много. Потому что охотились не за военными секретами, а за информацией об условиях труда и социальных гарантиях на предприятии. Пришли не то чтобы с открытым забралом, а

и вовсе без него. И экземпляр колдовора унесли с собой не в качестве трофея, а как подарок.

Хочется сказать, что отдельным подарком был случай впервые оказаться в подмосковной Коломне: это очень такой домашний, уютный, ухоженный и невероятно зеленый город. По крайней мере летом. И довольно трудно поверить, что здесь, на этом безмятежном «островке», образованном слиянием четырех рек, располагаются КБ и завод по производству ракет. Достаточно сказать, что без коломенского КБМ не появилось бы такого интернет-мема, как «не смешите мои «Искандеры»»... Ну, в общем, вы поняли масштаб деятельности.

Мы же в первую очередь оценили масштаб подготовки к визиту «Профсоюзного журнала»: на встречу с нами в кабинет председателя ППО «Конструкторское бюро машиностроения — Коломна» **Михаила Каткова** подтянулись аж пятеро из руководящего состава КБМ. Такого в своей девятилетней практике разъездов по предприятиям страны я не припомню. И это, конечно, была приятная неожиданность: чем больше респондентов — тем, естественно, лучше.

А оказались мы в КБМ в том числе потому, что предприятие в последние годы стабильно входит в тройку призеров отраслевого конкурса на звание лучшего социального партнера для профсоюза. (Прежде он называл-

Если бы все орудия в мире, как этот запаянный 160-миллиметровый миномет образца 1949 года, стали памятниками, человечество бы только выиграло. Но пока этого не случилось, безопасность достигается, в том числе, производством нового оружия
На фото справа: председатель ППО «Конструкторское бюро машиностроения — Коломна» Михаил Катьков (вверху), зампред первички Виктор Хрипунов.

ся Оборонпроф, а после объединения трех организаций в 2017 году стал Роспрофпромом.)

— В тройке мы стабильно — первое, второе, третье место, — говорит зампред первички **Виктор Хрипунов**. — Там как раз рассматриваются социально-бытовые вопросы, травматизм, зарплата — по всем этим параметрам проводится конкурс. Его организывают департамент промышленности обычных вооружений, боеприпасов и спецхимии Минпромторга, Союз машиностроителей России и профсоюз.

Замначальника отдела труда и зарплаты **Александр Макаров** добавляет, что в конкурсе участвуют больше 400 предприятий. Так что быть в топе в течение целых пяти лет в такой многочисленной компании — это, условно, достижение.

Собственно, с достижений, можно сказать, и началась история Конструкторского бюро машиностроения. Во-первых, это достижения коллектива под руководством Бориса Шавырина, который аккурат перед войной сдал на вооружение семейство минометов четырех калибров,

ставших главной действующей силой на фронте. Во-вторых, имеются в виду достижения советской армии, которая в апреле 1942 года выбила фашистов из-под Москвы. Успехи на фронте позволили руководству страны решить, что в Коломне будет не только логично, но и безопасно создать КБ по разработке минометов — самого дешевого и эффективного в ту пору средства уничтожения живой силы противника. (Это звучало бы цинично, если бы не масштаб угрозы, нависшей над всем миром.) Более 80% минометов (около 300 тысяч

Замначальника отдела труда и зарплаты
Александр Макаров.

единиц), применявшихся в боях Советской Армией, были конструкции **Бориса Шавырина**.

Лет через десять после Победы новый генсек **Никита Хрущев** сделал ставку на развитие ракетного вооружения, и конструкторы КБ весьма успешно переключились на этот фронт работ. По сей день здесь проектируют, изготавливают и испытывают ракетное оружие. От первого в Советской армии противотанкового ракетного комплекса «Шмель» до уже упомянутых «Искандеров-М», сложнейших высокоинтеллектуальных комплексов. В общем, создавший и первым возглавивший предприятие конструктор Борис Шавырин мог бы гордиться им и сейчас.

— До 1956 года наши конструкторы занимались разработкой минометного вооружения. Прежде всего, тяжелых дальнобойных минометов, способных уничтожать не только живую силу, но и огневые точки противника. И Борис Иванович со своей командой сумели решить эту проблему, — говорит Михаил Катков. — Сейчас мы работаем по четырем направлениям: оперативно-тактическое и тактическое вооружение, противотанковое, ПЗРК и комплексы активной защиты.

О последних многие наверняка знают: боеприпасы, которыми обвешивают башню танка по периметру, вкупе со сложной системой распознавания цели и реагирования. При угрозе такой вот боеприпас отстреливается, и от проти-

Стрельба из переносного зенитного ракетного комплекса не каждому по плечу, в прямом и переносном смысле. Боец должен быть максимально стрессоустойчив, ведь при каждом пуске буквально из-за уха вылетает ракета. Слева: по странной традиции, оружию в России часто дают безобидные имена: «Буратино», «Черемуха» и так далее. На фото — противотанковый ракетный комплекс «Хризантема-С».

вотанковой ракеты или гранаты только мокрое место остается. А сам танк — без повреждений (это если объяснять совсем просто). Столь высокоэффективную систему не смог создать никто в мире.

МЫ ПЕРЕЖИВЕМ

Тем не менее предприятию, как и всей стране, пришлось пережить и тяжелые времена. Когда в 1987 году генсек ЦК КПСС **Михаил Горбачев** подписал с президентом США **Рональдом Рейганом** договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, в утиль пошла даже не подпадавшая под его действие разработка коломенских конструкторов — ОТРК «Ока». Это было началом воистину черной полосы для предприятия.

— До сих пор коллектив испытывает боль от уничтожения комплекса. Не то что обиду — боль, — говорит начальник бюро по работе со СМИ предприятия **Вероника Ушакова**. — Почти одновременно с уничтожением «Оки» резко сократилось финансирование со стороны Минобороны, а у нас был, конечно, единственный заказчик — наша армия. Нет денег у них — нет денег у нас. Поэтому разработки шли очень и очень медленно. Крайне медленно. Ту же ракету «Искандер-М» запускали на испытаниях один раз в год. Это крайне мало.

Ситуация не могла не сказаться и на рабочем коллективе — от слесарей до инженеров. По словам Катко-

ва, численность работников в начале 1990-х упала примерно вдвое. Кроме того, предприятие было вынуждено перейти к диверсификации производства — попытаться наладить выпуск гражданской продукции. А военные разработки могли и вовсе стать побочным фактором... Но — не стали: все-таки выпуск мини-пивзаводов, да и даже тензоплатформ для спортсменов (анализируют физические нагрузки) и стоматологических печей — это для инженеров-оборонщиков не та задача.

А чтобы была «та», пришлось взять внушительный кредит в банке. Но начальство, подписывавшее кредитный договор, явно не сомневалось: коллектив осилит ставку, сделанную

на разработку перспективного ПЗРК. И не прогадало: банкротства удалось избежать, предприятие продолжило работу.

— Это был громадный риск, но работа была выполнена, заем был погашен. И продажи ПЗРК «Игла-С» спасли предприятие от банкротства. Потому что появились деньги и на зарплату, и на развитие, и на дальнейшие разработки, — поясняет Вероника Ушакова.

При всем при том предпрофкома Михаил Катков «не сказал бы», что в период трудностей на предприятии сокращались социальные гарантии.

— Дети как направлялись в лагеря отдыха, так и направлялись. Путевки как были, так и остались (хотя да, их стало несколько меньше). Детские садики были... — перечисляет он.

Правда, уже в конце 1990-х те же детсады были переданы городу. Но об этом может сказать едва ли не любое крупное российское предприятие, начинавшееся еще при Союзе. Такова была государственная политика — избавление от «непрофильных активов». То же коснулось и принадлежавшего КБМ Дворца культуры и спорта. А ведомственная поликлиника вообще полностью прекратила свое существование. Хотя сейчас возродилась в «реинкарнированном» виде, но об этом ниже.

НОРМАЛЬНЫЙ ПРОЦЕНТ

Тут бы и сказать, что, «несмотря на сокращение социальных обязательств», численность членов профсоюза составляет около 1900 из 3500 работников КБМ. Но если сравнивать

ситуацию тех лет и сегодняшнюю, то социальных гарантий стало как раз больше. А за рекордами в плане профсоюзного членства профком КБМ почему-то не гонится. Не в том смысле, что непременно должен: на этот счет в профсоюзной среде бытуют разные мнения.

— В принципе, нормальный процент, — говорит Катков. — Хотелось бы каждому председателю показывать больший, естественно. Но с учетом современного состояния дел — процент вполне нормальный. Потому что здесь действительно люди осознанно идут в члены профсоюза, а не хомутом их затащили сюда, загнали. Есть и такой момент: законодательство гласит, что колдоговором могут воспользоваться все, вне зависимости от принадлежности к профсоюзу. Хотя мы этот доку-

Как сказал бы герой Ильфа и Петрова, «Искандер-М» построить — не ешака купить!». Но здесь все серьезней некуда: высококлассные специалисты начинают ракеты высокоточной электроникой.

мент готовим, мы его разрабатываем, согласовываем, мы «накачиваем» его социальными гарантиями и льготами. Но пользуются ими — все.

Тут стоит напомнить, что в профсоюзной среде давно не утихают споры: надо ли законодательно закрепить распространение положений колдоговора только на членов профсоюза. Сторонники этой идеи настаивают, что таким образом можно будет мощно мотивировать «несознательную» часть работников. Скептики возражают: работодателю ничего не будет стоить создать на предприятии «свой» профсоюз, наобещать его членам с три короба и задушить ваш, независимый.

Михаил Катков считает, что лучше добиваться для членов профсоюза отдельных преференций в дополнительных соглашениях к колдоговору.

Его зам Виктор Хрипунов приводит аргумент: все-таки прибыль предприятию приносят все работники без исключения, а льготы и гарантии обеспечиваются именно этой прибылью. То есть одно видение справедливости накладывается на другое, тоже имеющее большое право на жизнь.

— Давно стоит вопрос о том, чтобы с целью увеличения членства распространить колдоговор только на членов профсоюза, но такого, думаю, не будет, — подытоживает Катков. — И знаете, сейчас средний возраст работников у нас 46 лет, то есть около трети — это молодежь, как минимум — «дети перестройки». Сложно им доказывать, что, придя на все готовое и все уже имея, они должны для сохранения этого прилагать какие-то усилия. Что если не будет профорга-

низации — может получиться, что у вас не будет этих вот льгот. Так что если вернуться к вопросу о численности — нормальная, я считаю. По крайней мере, люди вступают осознанно, понимают, что такое профсоюз.

ОТ ШКОЛЬНИКА ДО СПЕЦИАЛИСТА

Так или иначе, но и среди «детей перестройки» в КБМ много членов профсоюза. Это следует хотя бы из того, что молодых на предприятии около трети, а в профсоюзе состоит больше половины работников. Об условиях трудоустройства молодых специалистов и их работы в конструкторском бюро нам рассказал **Иван Лошин**, начальник отдела подготовки кадров.

— У нас таких ежегодно приходит 60–70 человек, — говорит он. — Организована школа молодого специалиста, ее проходят в течение полутора месяцев. Суть этой работы — в адаптации на предприятии. Рассказываем о структуре предприятия, о задачах, которые стоят перед нами, знакомим их с производственными подразделениями, с полигоном.

Будущие свежие кадры КБ привлекает еще на школьной скамье. Про-

Около трети сотрудников КБМ — молодежь. Но молодыми специалистами тут считаются только те, кто проработал меньше пяти лет. Дальше — ты уже опытный сотрудник. Внизу: начальник отдела подготовки кадров Иван Лошин.

водятся конкурсы, олимпиады среди школьников, выявляются лучшие. А потом направляются на целевое обучение в университеты. Скажем, в один из лучших технических в стране — знаменитую «Бауманку», питерский «Военмех» или Рязанский радиотехнический университет. Отучился — будь добр, отработай хотя бы три года. Нет — плати неустойку (что совершенно справедливо в рамках договора). Но надо сказать, что школьников никто не неволит идти на такое соглашение. Большинство из них выросли в Коломне, знают о репутации бюро и всеми силами стараются сюда попасть.

Как поясняет Александр Макаров, замначальника отдела труда и заработной платы, зарплата вчерашнего студента кое в чем зависит от вуза, из которого он пришел. Есть, говорит он, три «градации». Первая — если у вас есть диплом одного из трех университетов, упомянутых выше. Тогда заработок у вас будет больший из возможных на начальной стадии работы.

Вторая группа институтов — это местный Коломенский политех, Тульский госуниверситет и Российский химико-технологический университет имени Менделеева.

— Третья группа — это экономические вузы, которые меньше связаны с техникой, — продолжает Макаров. — В зависимости от этого и от уровня образования — магистр пришел либо бакалавр — устанавливаются им оклады. И устанавливается надбавка для молодого специалиста. Первый раз такая надбавка может быть пересмотрена через три месяца — в зависимости и от его успехов в работе. В дальнейшем — каждые полгода. В основном в сторону увеличения. Я не припомню случаев, чтобы она снижалась. Хотя увеличение могут утвердить не каждому, это да.

Ну, а после 35 лет, когда, сообразно представлениям властей, гражданин перестает считаться молодым, надбавка молодому специалисту как бы плавно перетекает в свою следующую.

*Постороннему человеку лучше и не пытаться узнать, какие измерения проводят конструкторы КБМ. Они могут быть засекреченными на десятки лет.
Внизу: замдиректора по персоналу Александр Романкин.*

щую «инкарнацию» — с формулировкой «за высокую квалификацию». Заметьте, все же не «за красивые глаза». К слову, если молодой человек (или девушка, конечно) занимает руководящую должность — начальника сектора или выше, — надбавка ему уже не полагается. Потому что зарплата и так становится более чем приличной.

Наши дисциплинированные секретным производством собеседники долго в процессе разговора раздумывали, называть ли конкретные цифры. Но, насколько можно было в результате понять, только что пришедший человек с высшим образованием и без опыта работы получает на руки примерно 35 тысяч рублей в месяц. А специалист, пришедший из «базового» вуза, — более 50 тысяч. В среднем по предприятию люди получают больше 70 тысяч рублей.

Система, впрочем, не настолько завязана на молодежную политику государства: в КБМ молодым специалистом считается человек, прорабо-

тавший на предприятии меньше пяти лет. Дальше — все, уже опытный. Что логично: оставаться «неопытным» с 22 лет после вуза до 35 — непозволительная роскошь для любого человека. А с такого наукоемкого и высокотехнологического производства при несоответствующем жизненном подходе вылетишь намного раньше...

— Текучести кадров у нас практически нет, — говорит замдиректора по персоналу **Александр Романкин**. — Люди стараются держаться на предприятии, потому что за воротами жизнь гораздо сложнее. Сегодня наше предприятие — самое привлекательное в городе: зарплата высокая, соцпакет нормальный.

И ЭТО ЧАСТЬ ПРОГРАММЫ

Пусть, как говорилось выше, Коломна и уютный город, но не всякий молодой и амбициозный человек захочет, отучившись хотя бы в той же «Бауманке», переезжать в Подмоскowie. Для сомневающихся у предпри-

ятия есть аргумент в виде развитых социальных программ. Одна из важнейших — обеспечение жильем.

— Есть жилищная программа, которая действует для всех работников предприятия, но в первую очередь ориентирована на привлечение и закрепление молодых специалистов нужного профиля. Участниками этой программы стало больше 130 человек. Программа подразумевает компенсацию процентов по ипотечному

кредиту, который берет работник, либо компенсацию затрат на аренду жилья в городе, — объясняет **Дмитрий Гусев**, замначальника отдела соцразвития и обеспечения.

Для примера: по аренде жилья компенсация установлена в размере не больше 15 тысяч рублей в месяц, притом что в городе можно снять двухкомнатную квартиру и за 20 тысяч. Компенсация взноса по ипотеке имеет тот же предел, что и по аренде. Правда, для попадания в программу обеспечения жильем нужно выдерживать своеобразный тест. Тянуть билет не надо — надо, чтобы твоя работа на предприятии была объективно оценена начальством. Для этого в КБМ действует система оценки вроде популярного нынче с подачи властей КРІ. По-нашему — КПД, как у двигателя. Набрал нужное количество «баллов полезности» — добро пожаловать в программу.

Но есть, конечно, на предприятии и такие социальные программы, которые не требуют отбора участников. Это, например, касается поддержки ветеранов конструкторского бюро, уже не работающих здесь. Для примера, в прошлом году в помощь им было выделено около 2,5 млн рублей.

Еще есть возможность получить дотацию на лечение, которое требует больших денег. Для молодых и, как правило, здоровых — «подъемные» при переезде из другого города; то же касается и сотрудников, вернувшихся из армии. И то верно: иной из таких может и рассказать что-нибудь полезное об использовании на практике изобретений старших товарищей.

Что касается льгот по санаторно-курортному направлению, то здесь, в принципе, рядового члена профсоюза системы ФНПР не удивить (и это хорошо). За путевку в пределах средней полосы России работник платит 10% ее стоимости. В Крым — «несколько дороже, но в стоимость включаются перелет туда-обратно и трансфер по полуострову». В Краснодарский край можно поехать, заплатив 20% стоимости путевки.

Можно получить дотацию не только «за отдых», но и «за труд». Впрочем, *труд* здесь стоит писать без кавычек, потому что речь идет о мамах, которые сидят с детьми в возрасте от полутора до трех лет (до полутора лет, напомним, общий декрет). Им ежемесячно выплачивается по 9000 рублей (это конкретно в 2019 году).

— Надо сказать, что столь высокий уровень работы профсоюза в КБМ обеспечен в том числе за счет всемерной поддержки работодателя. А именно — управляющего директора **Сергея Питикова** и генерального конструктора **Валерия Кашина**. Многие социальные инициативы в КБМ начинаются с них, — говорит Вероника Ушакова.

ФАНАТИЗМ В ХОРОШЕМ СМЫСЛЕ

По понятным причинам в рабочее цеха доступа у нас не было. Да если бы и предложили пройти, пришлось бы еще двести раз подумать: а ну как захочется выехать с семьей в отпуск за границу — а нельзя будет? Но на один режимный объект мы все-таки попали. Это амбулаторно-поликлинический центр КБМ, «ведомственная поликлиника», о которой уже упоминалось. Не только вход туда, но и медицинское обслуживание — исключительно для работников предприятия.

Медицинское сопровождение обеспечивается в рамках ДМС, и, как уверяет Дмитрий Гусев, в этой программе участвуют все без исключения

Дмитрий Гусев, замначальника отдела соцразвития и обеспечения. Слева: компьютерное оборудование рентгенкабинета; справа: офтальмолог проверяет глазное дно у пациента. Справа: в амбулаторно-поликлиническом центре КБМ хотел бы лечиться каждый житель Коломны. Но попасть сюда могут только сотрудники предприятия.

сотрудники. Вход — строго по персональным карточкам, но нас пропустили и так — в виде исключения.

Можно было бы сказать (если бы это был рекламный материал), что все три этажа небольшого здания напичканы новейшей медицинской аппаратурой, электроникой и прочим. Без рекламы — можно сказать честно: аппараты действительно есть, и на вид вполне новые. Главное, что невозможно сказать фразу вроде «поликлиника напичкана лучшими специалистами» — потому что это живые люди.

И действительно очень профессиональные. Об этом говорит то, что, во-первых, их специально отбирало предприятие. Это, простите за сравнение, все равно что делать автомобиль не на продажу, а для себя. Во-вторых, как говорят наши собеседники, жители Коломны буквально рвутся на обследование и лечение именно сюда, но не могут попасть: здесь только «для своих». Что ж, будем надеяться, что государство обеспечит местным гражданам медицинскую заботу ничуть не хуже, чем в поликлинике КБМ (а может, и уже обеспечило, но не все знают об этом?).

Как бы то ни было, главврач **Ирина Евсеева**, можно сказать, мертвой (в смысле инициативной, извините за не-

вольный каламбур) хваткой буквально вцепилась в нашего фотографа **Николая Федорова** и заставила пройти по всем этажам и почти по всем кабинетам клиники. Почему мы об этом говорим? Да потому что Николай как профессионал ничуть не пожалел об этом! Вот тут тебе картинка, как меряют давление, тут человек на ЭКГ, тут на беговой дорожке, подключенный к датчикам, а вот — целая соляная комната с любопытными к визиту журналистов людьми.

А главное (о чем я подумал, по крайней мере): Ирина Сергеевна ведь от такой своей открытости и активности в нашем сопровождении материально, в принципе, ничего не получает. То есть рекламы учреждению наш визит не сделает. Ведь его клиентура зависит от численности работников конструкторского бюро, и ни от чего больше. Просто человек гордится своим коллективом и тем, что этот коллектив делает.

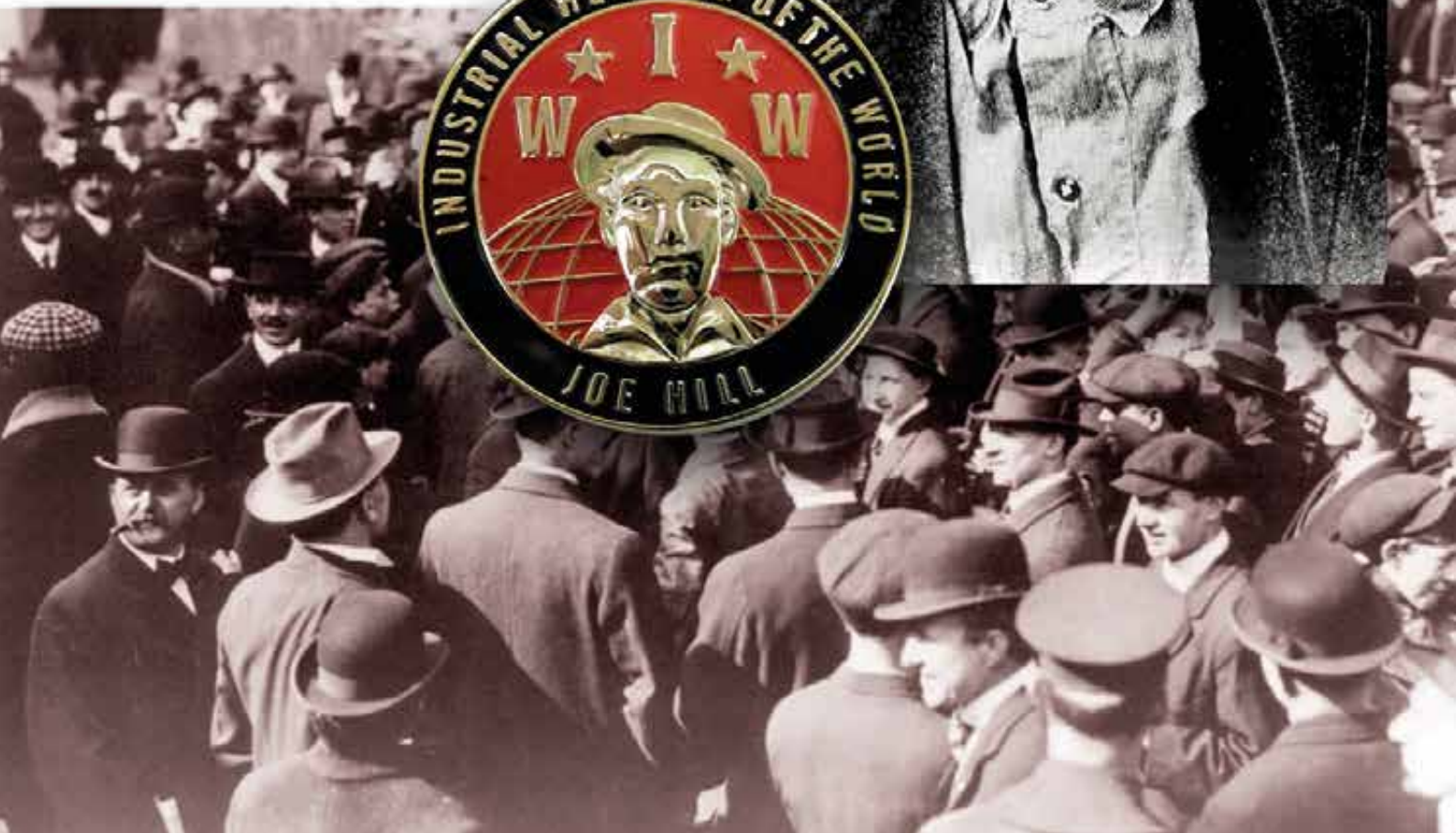
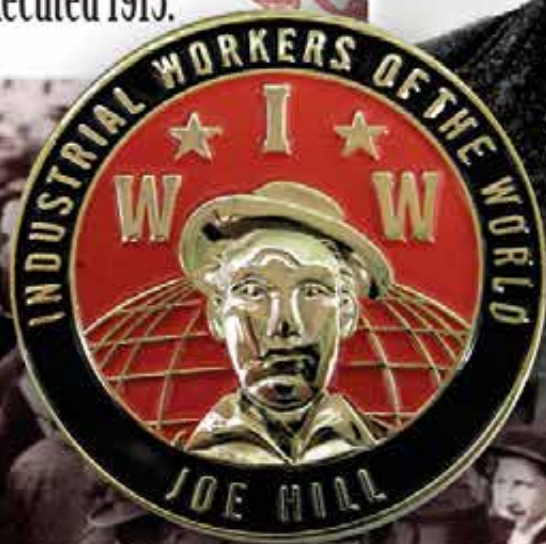
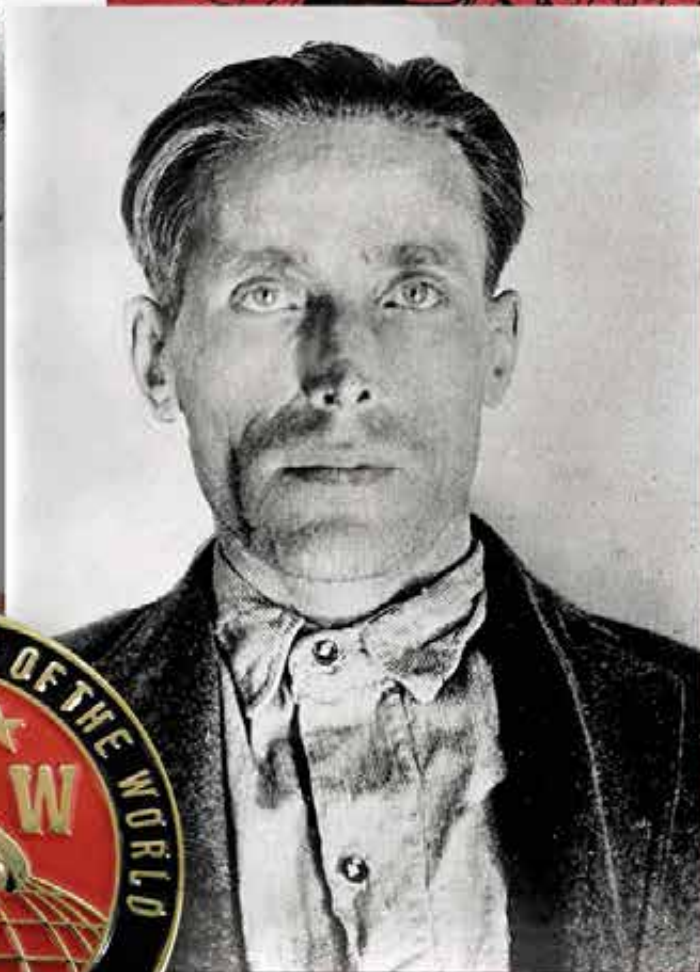
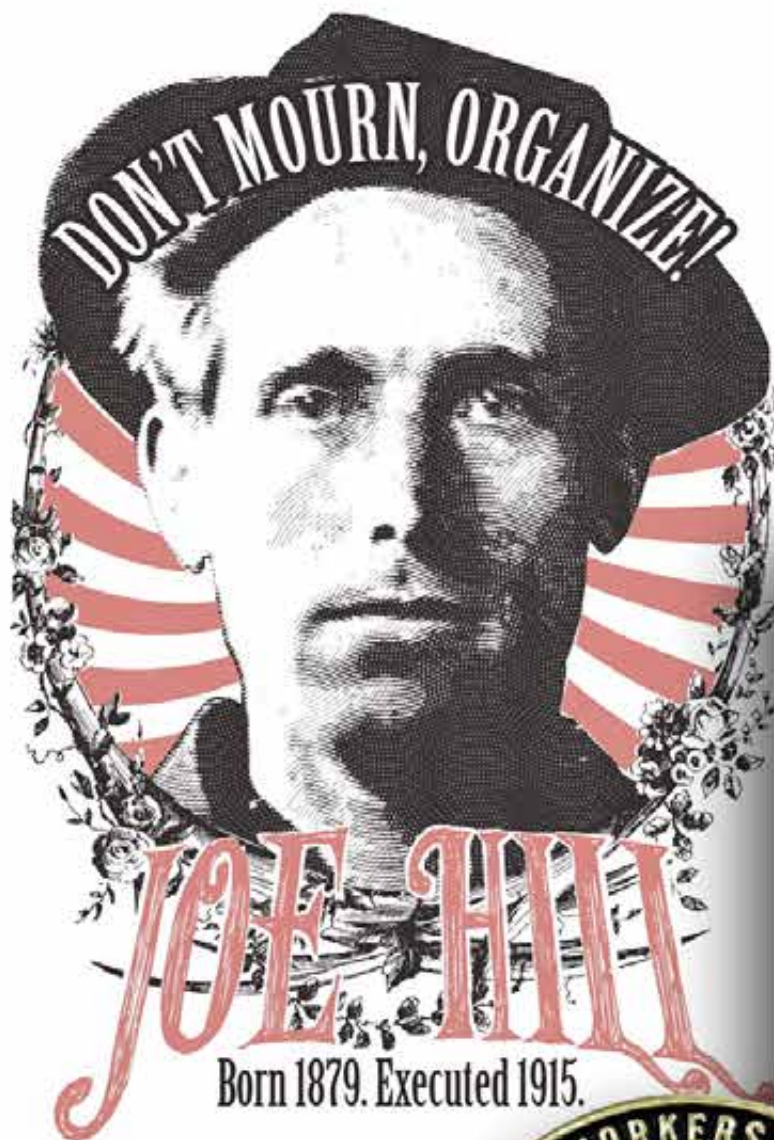
В тот день по внешним признакам нам удалось увидеть еще одного фанатично преданного своему делу человека. (И давайте, пожалуйста, отличать увлеченность от прочих коннотаций. А «еще одного» — это помимо десятка, с которыми тоже пообщались.) Это **Андрей Чебукин**,

заведующий техническим кабинетом-музеем предприятия (в начале материала мы опирались именно на его экскурсию):

— Кроме КБ, на нашем предприятии есть цеха, где изготавливают как опытные образцы, так и серии изделий. — Здесь важно понять, что Андрей Владимирович чувствует аудиторию и способен снизить до полнейших дилетантов со своего экспертного уровня и объяснить сложные процессы буквально на пальцах.

А ведь, по словам его коллег, он проводит по несколько экскурсий в день. И приходят на них в основном люди не такие простые, как корреспонденты «Профсоюзного журнала». Наверное, даже и подшефные школьники бывают куда подкованней. И вот они бы смогли пересказать экскурсию Андрея Чебукина так же увлекательно, как он сам. А я — не могу. У меня, в конце концов, в редакции свой (тоже хороший) колдоговор. И режим труда и отдыха в нем обозначен четко, а о предприятиях, подобных коломенскому Конструкторскому бюро машиностроения, можно говорить столько, что у работодателя никакого фонда оплаты труда не хватит.

Павел ОСИПОВ

Пепел Джо Хилла

Как и за что осудили и казнили знаменитого американского профсоюзного барда

В 1914–1915 годах США потряс процесс рабочего поэта Джо ХИЛЛА. Хилл, активист радикального профсоюза «Индустриальные рабочие мира», был обвинен в убийстве, которого не совершал. Честного суда для Хилла требовали и друзья, и идеологические противники, и сам президент страны — но добиться справедливости в этом деле не удалось. Несмотря на недостаток улик, Хилл был казнен. Однако его смерть лишь сплотила профсоюзы, а сам Хилл стал иконой радикального рабочего движения США.

ВЫСТРЕЛЫ В СОЛТ-ЛЕЙК-СИТИ

Ночью 10 января 1914 года в Солт-Лейк-Сити, штат Юта, в своем доме были застрелены владелец бакалейного магазинчика **Джон Моррисон**, бывший полицейский, и его сын **Арлинг**. Свидетелем стал младший сын Моррисона **Мерлин**. Он сможет показать следствию, что нападавших было двое, на них были красные повязки и один из них был ранен Арлингом Моррисоном. Преступники не тронули кассу магазинчика — так что речь шла о мести, которая, возможно, была связана с прошлым хозяина лавки.

Той же ночью в приемную здешнего врача **Фрэнка МакХью** постучался **Джо Хилл**, хорошо известный властям и полиции организатор радикального профсоюза «Индустриальные рабочие мира». У Хилла было пулевое ранение в легкое. На вопрос о том, кто стрелял, отвечал односложно и неохотно: «Соперник. Из-за дамы». Джо Хилл просил доктора сохранить его визит в тайне, но несколько дней спустя МакХью поведал о ночном пациенте следователям. Вскоре Джо Хилла арестовали, и он предстал перед судом по обвинению в двойном убийстве.

БАРД ИЗ РАБОЧИХ

Настоящее его имя было **Йозель Хегглунд**. На момент расстрела Моррисонов ему было тридцать пять лет, и он был широко известен среди рабочих. В то время по всем Соеди-

ненным Штатам гремела аббревиатура ИРМ — «Индустриальные рабочие мира» — с призывом к рабочим всех отраслей организовываться и бороться за уничтожение капитализма. Джо Хилл был известным активистом ИРМ — прежде всего благодаря своему дару поэта-самородка и песням протеста, которые, несмотря на грубоватость и простоту, а может, и благодаря им, моментально разлетались в рабочей среде.

Однажды забастовку

Объявили мы опять.

И только Кейси-машинист

Решил не бастовать.

*«Зачем бороться, — думал он, —
Не лучше ль есть свой хлеб?»*

Так стал штрейкбрехер

Кейси Джонс,

А короче — скэб.

Эту песню о незадачливом железнодорожнике-штрейкбрехере советские слушатели хорошо знали в русском переводе благодаря исполнению **Леонида Утесова**. В США же прямые и злоязычные песни Джо Хилла стали рабочим фольклором, а «красная книжечка» — сборник его стихов — была в свое время в кармане всякого уважающего себя рабочего радикала. Песня, считал Джо Хилл, — лучший способ агитации.

«Листовка, как бы хороша она ни была, — говорил Хилл, — читается только один раз. Песня же выучивается наизусть и повторяется многократно. И я твердо убежден в том, что если кому-то удастся выразить несколько

холодных, всем известных фактов в песне и одеть их в юмористические одежды, чтобы они утратили свою сухость, то он сумеет достучаться до гораздо большего числа рабочих, слишком ограниченных и равнодушных для того, чтобы прочесть листовку или статью об экономике».

ДЕТСТВО

Хегглунд родился в Швеции, в городе Евле, в дружной и религиозной многодетной семье железнодорожного кондуктора. Жили небогато и скромно, но, как могли, счастливо. Жизнь Хегглундов резко пошла под откос, когда умер отец Йозеля и кормилец семьи **Олаф Хегглунд**. Детям пришлось самим привыкать к труду.

А когда умерла и мать, двадцатитрехлетний Йозель с братом Паулем поступили так же, как и многие их обездоленные и предприимчивые сверстники: купили билет в один конец до страны-мечты не нашедших себя на родине, США.

В Америке братья потерялись. Йозель перепробовал множество профессий и проехал тысячи километров, работая на полях, в доках и шахтах. Таких, как он, в США называли «хобо» — это были бродячие рабочие, перебивавшиеся из города в город на попутных товарняках в поисках заработка и крова.

Когда Хегглунд начал сочинять песни — неясно, но в 1910 году он познакомился с ИРМ и вскоре стал их активистом и организатором. Тут-то товарищи и оценили силу его пе-

сен, а те стали тиражироваться среди рабочих и петься во время протестов и забастовок.

СУД

...Перед тем как Хилл был взят под стражу, полиция уже успела задержать 12 человек, но как только в деле появился Хилл, он моментально стал главным подозреваемым.

«Главное, что штат Юта мог предъявить Хиллу, — это членство в ИРМ, и поэтому он должен был оказаться виновным», — вспоминал адвокат певца и шахтера **Оррин Хилтон**.

Суд попросил Хилла сообщить имя стрелявшего в него — но Хилл отказался. Это могло разрушить репутацию замешанной в деле женщины (дело было в мормонской Юте, где к таким вещам относились весьма серьезно).

Кроме совпадавшего по времени с убийством ранения Хилла, обвинению особенно не на что было опереться. Орудие преступления так и не нашли. Мерлин Моррисон с пер-

вого раза не опознал в Джо Хилле убийцу, хотя в дальнейшем изменил показания.

ИРМ

«Индустриальные рабочие мира» появились в 1905 году в Чикаго и в первой четверти XX века стали самой яркой рабочей организацией Америки. Основанная социалистами, анархистами и сторонниками радикальной профсоюзной борьбы, структура сильно отличалась от прежних профсоюзов. Объединение происходило не по принципу цеха профессионалов, как было принято в США тех лет, но по целым отраслям. Целью агитаторов ИРМ был Один Большой Профсоюз — организация, которая сможет сломать зубы капитализму и построить справедливое общество трудящихся.

Как проповедники первых веков христианства, организаторы ИРМ путешествовали по городам, городкам и рабочим лагерям, неся новую религию — веру в победу над капи-

талистическим угнетением, победу через рабочее сопротивление и профсоюзы.

«Вместо консервативного девиза “справедливая подневная заработная плата за справедливую каждодневную работу” мы должны надписать на нашем баннере революционный лозунг: “Ликвидация системы наемного труда”», — говорилось в манифесте ИРМ.

В этих словах был отчетливый вызов традиционным профсоюзам Америки — прежде всего в лице мощнейшей Американской федерации труда (AFL) **Сэмюэла Гомперса**, влиятельного профбосса и проповедника взаимовыгодного сосуществования труда и капитала. По Гомперсу прошелся и сам Джо Хилл — в песне про незадачливого рабочего Блока, такого же «хобо», как и сам автор:

*Вернулся Блок и скромно
Бродил без всяких дел,
Решил: «Вступлю в огромный
Союз Эй-Эф оф Эл».
Был на работе утром,
А вечером — расчет.*

Прибытие иммигрантов из Европы на остров Эллис в бухте Нью-Йорка, начало XX века. На портрете — юный Йозель Хегглунд, 1898 год. На фото слева — митинг «Индустриальных рабочих мира» в Нью-Йорке, 1910 год.

*Он ждал, что Гомперс мудро
К суду их привлечет.
Сказал Сэм Гомперс сам:
«Сочувствую я вам».*

ИРМ говорили на разных языках, обращались к ирландцам, немцам, евреям, итальянцам, шведам, полякам, китайцам, чернокожим и японцам — тем, кого еще не успел переварить «плавильный котел Америки». Организаторы профсоюза шли к неквалифицированным рабочим — тем, кем брезговали официальные тред-юнионы Америки. А главной силой профсоюза стали те самые «хобо» — бродяги-мигранты, странствовавшие от шахты к шахте, от доков к фабрикам.

Как и положено проповедникам новой веры, организаторы ИРМ подвергались гонениям — их арестовывала полиция, избивали вигиланты («бдительные добровольцы»). По всей стране ИРМ устраивали уличные митинги, требуя соблюдения буквы федерального закона о свободе слова. Местные власти боролись с этими собраниями — но в ИРМ придумали неожиданный способ преодолеть сопротивление местных чиновников и полицейских. Там, где власти разгоняли собрания ИРМ и арестовывали участников, как из-под земли появлялись все новые и новые активисты — до тех пор, пока тюрьмы и полицейские участки городов не оказывались заполнены, а работа местной полиции — парализована. Во многих случаях таким способом право на собрания удавалось отстоять. А консерваторы с трибун говорили об ИРМ как о «раковой опухоли», поражающей тело Америки.

Имена активистов и агитаторов попадали в «черные списки» людей, которых отказывались принимать на работу. Именно из-за этого, скорее всего, **Йозель Хегглунд** превратился в какой-то момент в Джозефа Хиллстрёма, а уже от сокращения этого имени он взял творческий псевдоним — Джо Хилл.

В то время ИРМ вели большую кампанию среди рабочих американ-

ского Запада, в том числе в штате Юта. Ожесточенные стачки проходили на медных рудниках штата и железнодорожных стройках; рабочие-активисты сталкивались с вооруженными штрейкбрехерами. В 1913 году строители железных дорог, организованные ИРМ и поддержанные железнодорожниками, смогли заставить Utah Construction Company повысить на четверть зарплату и сократить рабочий день. После чего власти Юты развернули охоту на «профсоюз-смутьян», и арест Хилла был в этом деле очень на руку.

ПРИГОВОР И ПРОТЕСТЫ

...Несмотря на очевидный недостаток улики, суду потребовалось всего несколько часов, чтобы вынести Хиллу вердикт «виновен». За убийство в Юте полагался расстрел.

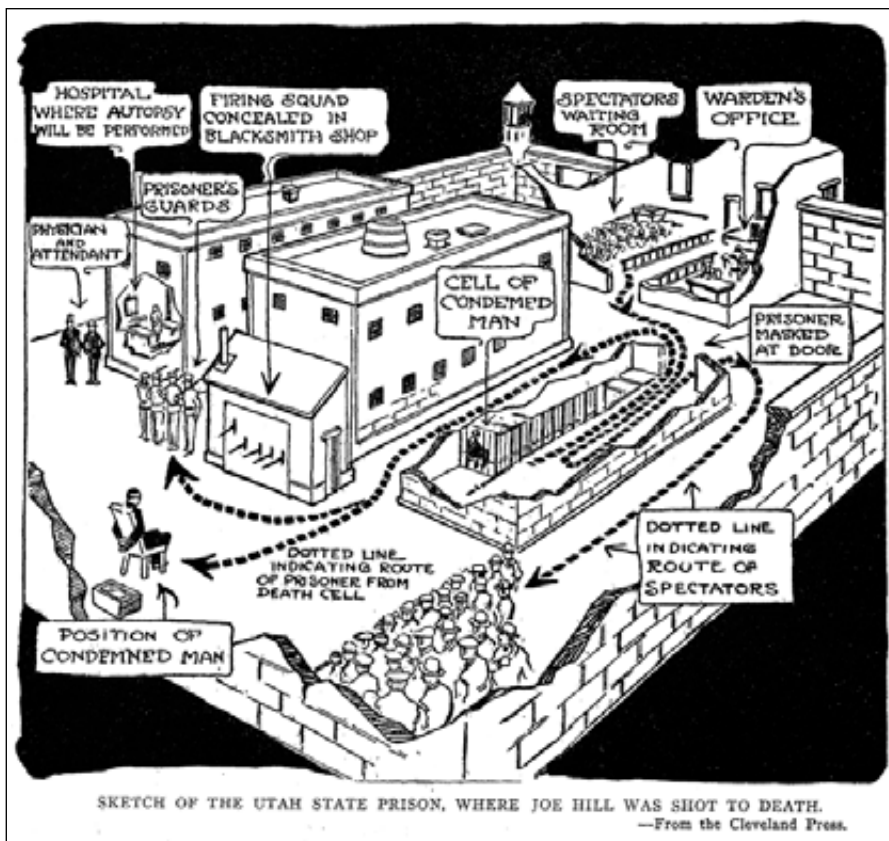
*«Джо высказал сомнение, имеет ли смысл подавать апелляцию — слишком дорого, — вспоминала товарищ Хилла, организатор ИРМ и феминистка **Элизабет Герли Флинн**. — Но мы*

убедили его в необходимости этого... Джо Хилл не разделял этого оптимизма, но не возражал против наших усилий. Он сказал мне: «Я не боюсь смерти, но с удовольствием пожил бы и поборолся еще»».

Апелляция осталась без удовлетворения. ИРМ запустили широкую кампанию в поддержку товарища. По всей стране начались массовые демонстрации в поддержку Хилла.

Лидер Американской федерации труда Гомперс, самый влиятельный профсоюзный лидер Соединенных Штатов, не имел оснований питать симпатий к ИРМ, однако и он, и его федерация присоединились к требованиям справедливости для Хилла.

За своего бывшего соотечественника просило посольство Швеции. А Элизабет Флинн добралась до самого президента **Вильсона**, убедив его повлиять на власти Юты. Вильсон просил суд отложить казнь и провести повторные слушания, но губернатор штата республиканец **Уильям Спрай** — человек, находившийся в

близких отношениях с пострадавшими от ИРМ крупными компаниями Юты, — отказал президенту.

На 19 ноября 1915 года была назначена казнь Джо Хилла.

«Не тратьте времени на оплакивание, организуйтесь», — передал Хилл на свободу. В тюрьме он написал и своеобразное завещание в стихах:

*О завещаньи ль думать мне!
Ведь нечего делить родне.
К чему ее печальный вздох?
К камням лавин не липнет мох.*

*А тело — был бы выбор мой —
Я сжег бы в пепел огневой,
Чтоб ветры весело в полях
Развеяли цветам мой прах,
Чтоб увядающий цветок
Опять воскреснуть к жизни мог.
Вот все, о чем бы я просил.
Желаю счастья вам,
Джо Хилл.*

В назначенный день, несмотря на все усилия друзей и общественности, приговор Хиллу привели в исполнение.

ШЕСТЬСОТ КОНВЕРТОВ

Давя на следствие, власти Юты рассчитывали избавиться от опасного активиста — но казнь сделала из Хилла рабочего мученика общеамериканского масштаба.

Его похороны в Чикаго превратились в массовую манифестацию. В церемониях приняли участие многие тысячи людей: члены ИРМ, анархисты, сочувствующие левые, иммигранты и просто те, кого возмущал несправедливый приговор.

Желание Хилла о кремации тела было исполнено. Пепел профсоюзного барда был разделен на 600 частей и разослан делегатам конференции

Рисунок-схема тюрьмы, где был расстрелян Джо Хилл. Даже не зная английского, по нему можно представить общую картину той незаконной казни.

На фотографии внизу — один из песенных сборников Хилла, расхитившихся огромными тиражами.

ИРМ в Чикаго, по организациям «уоб-близ» в Америке и за границей — на конвертах была надпись: «Джо Хилл, убит капиталистическим классом». Один из конвертов не дошел по адресу — «провокационную» посылку задержали на почте. Обнаружен конверт был только в 1988 году.

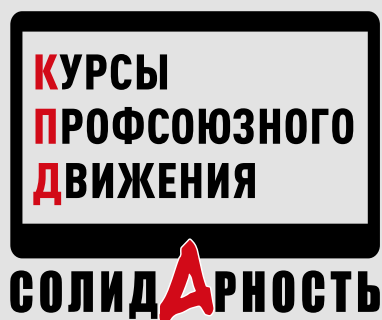
ПОСЛЕСЛОВИЕ

И все же — кто стрелял в Джо Хилла? Ответ на этот вопрос был найден уже в XXI веке во внезапно отысканном письме Хильды Эрикссон, той самой девушки, о которой предпочитал молчать Джо Хилл. В 1949 году Эрикссон сообщила исследовательнице Обри Хан, которая в то время работала над книгой о Хилле, что стрелял ее, Хильды, бывший жених **Отто Анпельквист**. Но книга тогда опубликована не была. А письмо потерялось — пока наконец не обрело вторую жизнь на страницах изданной в 2011 году новой книги о профсоюзном барде «Не умер я — сказал он» за авторством **Уильяма Адлера**.

Адлер, кроме всего прочего, привел любопытные детали о некоем **Вильсоне**, еще одном из подозреваемых по делу. Вильсон был задержан той же ночью недалеко от магазина, где произошло убийство, и при нем был найден испачканный в крови платок. Во время следствия Вильсон несколько раз попадался на лжи — но вскоре был неожиданно отпущен. Связи его с криминалом доказаны: он не раз попадался полиции под разными именами, был замешан во многих преступлениях, а в 1929 году за светился как участник «бойни в День святого Валентина» в Чикаго — кровавой разборки мафиозных кланов между собой.

Но профсоюзные мученики в запоздалых оправданиях не нуждаются, а истории с несправедливыми процессами, увы, повторяются и поныне.

Александр ЦВЕТКОВ

ДИСТАНЦИОННЫЙ УЧЕБНЫЙ КУРС «ПРОФСОЮЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

АННОТАЦИЯ КУРСА

Настоящий учебный курс посвящен истории профсоюзного движения в нашей стране и состоит из трех блоков: «До революции», «От революции до перестройки» и «После перестройки». Пройдя курс, вы узнаете, как принимались первые законы о профсоюзах, что такое примирительная камера, что было написано в первом Кодексе законов о труде, как строилась профсоюзная структура в советское время и как появилась Федерация независимых профсоюзов России, а также каких результатов удалось добиться профсоюзам в постсоветский период.

АВТОР И ВЕДУЩИЙ

Александр Шершуков, заместитель председателя ФНПР,
главный редактор центральной профсоюзной газеты «Солидарность».

ТЕМЫ КУРСА (2 учебных часа):

- Становление и развитие российских профсоюзов
- Основные исторические вехи профсоюзной истории
- История российских профсоюзов до революции
- Советский период профсоюзной истории
- ФНПР: история и главные достижения

стоимость обучения: **990 руб.**

8-800-777-84-26 • school.solidarnost.org

Ливанский лабиринт

Как «Швейцария Востока» потеряла свои профсоюзы и можно ли их возродить

Страна кедров, гор, невиданного конфессионального разнообразия и тлеющей политической нестабильности. Когда-то самая благополучная страна арабского мира, Ливан до сих пор не может до конца преодолеть последствия закончившейся в 1990 году пятнадцатилетней гражданской войны. Вот и ливанские профсоюзы — когда-то они могли похвастаться большой мощью и заставляли власти с собой считаться, но в послевоенных реалиях оказались не у дел. Разбираемся, почему так вышло и есть ли у профсоюзного движения Ливана шанс на новый взлет.

Ближний Восток — мягко говоря, не самый просто устроенный регион мира. И все же Ливан, вытянувшаяся вдоль Средиземного моря маленькая гористая страна, соседка истерзанной войной Сирии, стоит особняком.

Прежде всего — благодаря удивительной религиозной пестроте (на Ближнем Востоке этот фактор определяет не только духовную жизнь). Здесь самая большая в арабском мире доля христианского населения. Католики восточного обряда — марониты, потомки древнего арамейского населения этих мест, вкупе с православными до середины XX века составляли большинство населения Ливана — уникальный случай для арабского Востока. Вдобавок после Первой мировой войны Ливан двадцать с небольшим лет прожил под французским правлением.

Несколько десятилетий назад Ливан называли «Ближневосточной Швейцарией» — как самое светское, богатое и спокойное государство арабского мира. Но с 1975 по 1990 год страна — бывший остров благополучия и туристическая мекка Восточного Средиземноморья — погрузилась в омут гражданской войны. Война не уничтожила поликультурный Ливан, но сильно изменила его лицо.

Перемены особенно коснулись профсоюзов. В довоенном Ливане рабочее движение легко могло разговаривать с властями и бизнесом с позиции силы и мобилизовать работников в свои ряды. Теперь — не то.

«Профсоюзы находятся в глубоком кризисе и более не существуют. Они представляют интересы политических партий, чтобы не рухнуть во все», — еще десять лет назад метко и печально охарактеризовал ситуацию с профсоюзами в Ливане представитель Фонда Фридриха Эберта в этой стране **Самир Фара**.

Но сначала поговорим о том, как профсоюзы в Ливане рождались и развивались.

КАК ПОЯВИЛИСЬ ПРОФСОЮЗЫ В ЛИВАНЕ

По ближневосточным меркам ливанское профсоюзное движение имеет долгую историю. Первый профсоюз

современного типа здесь создали типографские рабочие еще в 1914 году, под властью Османской империи, но совсем незадолго до того, как империя рухнула, а Ливан и Сирия оказались под контролем Франции.

Приход французов был, безусловно, стимулом для появления новых профсоюзов. Впрочем, не в меньшей, а то и в большей степени на это повлияли и вести о революции в далекой России. Самые боевые ливанские профсоюзы (такие как созданный в 1924 году союз рабочих табачной отрасли) и впрямь открыто симпатизировали коммунистам. Но параллельно в стране стало развиваться и «реформистское», либерально настроенное рабочее движение.

Конфессии и конфессионализм в Ливане

Еще в середине XX века Ливан был единственной арабской страной с христианским большинством; теперь христианские общины составляют чуть меньше 40% его населения. В основном это марониты, потомки древнего арамейского населения региона. Маронитская церковь имеет общение с Римом, а элита маронитов тесно завязана на Францию и страны Запада.

Около 30% населения страны на начало XXI века составляют мусульмане-шииты, 20% — сунниты. Кроме того, в стране существует малочисленная, но влиятельная община друзов — это особое этноконфессиональное сообщество, отколовшееся от шиитского ислама в раннем Средневековье.

Хрупкий религиозный мир в стране поддерживает уникальная политическая система: конфессионализм. По ливанскому закону, президент страны должен избираться из маронитов, премьер-министр — из суннитов, а спикер парламента должен представлять шиитскую общину. Необходимость поддерживать баланс интересов общин и конфессий в Ливане пронизывает не только политику, но и другие сферы жизни страны, в том числе профсоюзную жизнь.

А в 1936 году на свет появился так называемый Комитет профсоюзного единства, с 1945 года — Федерация союзов рабочих и служащих Ливана, FUWEL. Это был первый национальный профсоюзный центр в ливанской истории.

НОВАЯ ПОРА

Тем временем в Европе началась война. В 1940 году Франция оказалась под германской оккупацией, на ее территории было создано коллаборационистское правительство Виши. Для профсоюзов это означало резкое усиление давления на них и репрессии. Рабочие организации стали опорой антиколониального сопротивления.

В 1941 году коллаборационистов изгнали из Ливана британцы с союзными силами «Свободной Франции» Шарля де Голля. А в 1943 году Ливан — не без инцидентов и конфликтов с французами — добился национальной независимости.

Влияние Федерации союзов рабочих и служащих в то время было довольно велико — ее членские организации повсюду участвовали в движении за независимость. Неудивительно, что уже в 1946 году в Ливане появился Трудовой кодекс, в котором впервые в стране были законодательно прописаны основные права работников — на объединение и забастовку, на оплачиваемые отпуска, на выходные, etc.

Другое дело, что дальнейшего усиления профсоюзов ливанские элиты не хотели — особенно марксистских. В итоге страна так и не ратифицировала некоторые основополагающие конвенции МОТ, в частности — о свободе ассоциации. Вне закона была объявлена политическая деятельность профсоюзов, что давало властям формальное право блокировать работу любой организации, не только прямо связанной с теми или иными партиями, но и просто слишком

критикующей социальную политику в стране. (Полвека спустя, однако, партийность станет большим проклятием профсоюзов.) Для профсоюзов было введено обязательное государственное лицензирование.

Коммунистические профсоюзы подвергались репрессиям, реформистские же — росли и объединялись. И вот в 1958 году на основе нескольких легальных федераций была создана действующая до сих пор Национальная конфедерация ливанских трудящихся, CGTL, — главное профобъединение в ливанской истории.

ВОСХОЖДЕНИЕ CGTL

Шестидесятые и первая половина семидесятых годов стали для Ливана временем быстрого роста экономики — и с ней профсоюзов. Устойчивые связи с Западом позволили Ливану быстро стать банковским и финансовым центром Ближнего Востока. В страну потек-

Работники — не собаки, которым можно бросить кость, а те, кто так считает, «пусть горят в аду». На фото — участник акции протеста профсоюзов и общественности около здания правительства страны против отсутствия индексации зарплат, роста налоговой нагрузки и цен на бензин. Бейрут, сентябрь 2018 года.

ли инвестиции. Но где быстрый экономический рост, там и рост социальной напряженности: городское население росло за счет мигрантов из сельских районов, работы в городах становилось меньше, чем рабочих рук, зато расслоение между богатыми и бедными все сильнее бросалось в глаза.

А CGTL росла. В начале семидесятых в состав конфедерации влились прежде нелегальные коммунистические и левацкие профсоюзы. Так национальный профцентр стал на какое-то время монополистом в представительстве прав рабочих.

За десятилетие с небольшим (с 1960 по 1972 год) количество работников, состоящих в ливанских профсоюзах, выросло более чем вдвое. Воссоединение с левыми профсоюзами сказалось и на политике CGTL. Первоначально организация либеральная и осторожная, предпочитавшая не бастовать, а договариваться с работодателями и государством, CGTL все чаще стала показывать работодателям зубы.

Протест в то время буквально висел в воздухе Ливана — да и могло ли быть иначе в быстроразвивающейся стране! Забастовок с каждым годом становилось больше: рабочие были готовы отстаивать свои права в профсоюзах — или без них. Набирали популярность локальные способы самоорганизации — фабричные и крестьянские комитеты, координационные советы производств.

Как знать, чем бы закончился этот процесс, если бы не случившееся потом.

В ГОДЫ ВОЙНЫ

1975 год оказался черным для «Швейцарии Востока».

Из-за арабо-израильского конфликта в Ливане скопилось огромное количество палестинских беженцев — не только мирных жителей, но и вооруженных боевиков. Южные районы страны оказались под контро-

Профсоюзы Ливана: страницы истории

Забастовка на фабрике «Гандур». Бейрут, ноябрь 1972

Трагедией закончилась вспыхнувшая в конце 1972 года забастовка рабочих кондитерской фабрики «Гандур» в Бейруте. Больше тысячи рабочих собрались перед воротами фабрики, требуя повышения зарплат и равных условий для мужчин и женщин.

Профсоюза на фабрике не было; забастовку прибили разгонять вооруженные полицейские. Двое бастующих были убиты.

Новость об этом спровоцировала массовые протесты и забастовки солидарности с рабочими «Гандур». Это заставило менеджмент фабрики пойти на диалог с бастующими.

Забастовка — повод для министерской отставки. Май 1992

Весной 1992 года в Ливане случился обвал национальной валюты, сопровождавшийся резким падением уровня доходов работников. Росло недовольство неспособностью правительства справиться с проблемой. На этом фоне CGTL объявила всеобщую забастовку протеста.

Протесты парализовали страну и имели невиданный успех: премьер-министр Ливана **Омар Караме** под давлением протестующих подал в отставку.

Профсоюзный протест или бунт «Хезболлы»? Бейрут, 2008

В мае 2008 года профсоюзы объявили всеобщую забастовку против антисоциальной экономической политики правительства, потребовав повышения зарплат на национальном уровне. (В период 1996–2012 годов в частном секторе экономики этот вопрос централизованно не рассматривался.)

Мирную акцию протеста поддержали тысячи людей, но профсоюзам не удалось довести дело до конца. Забастовку решили «поддержать» боевики группировки «Хезболла». Их усилиями трудовой протест перерос в беспорядки с использованием огнестрельного оружия, на подавление которых была брошена армия.

«Забастовка профсоюзов... полностью провалилась. На улицы вышла «Хезболла», и теперь это их акция протеста», — констатировал министр связи Ливана **Марван Хамадеш**.

Шиитское движение «Хезболла», признанное в некоторых странах террористической группировкой, является одной из важнейших составляющих ближневосточного политического пазла. И, так или иначе, это не может не сказываться на трудовых отношениях.

□□□□: Marwan Taha / Zuma / □□□□

Обвинения правительства в некомпетентности и коррупции красной нитью проходят через многие социальные выступления последних лет. На фото — акция протеста гражданских служащих, требующих выполнения планов повысить зарплаты. Бейрут, сентябрь 2017 года.

лем палестинцев и их вооруженных отрядов, не подчинявшихся национальному правительству. Хрупкий баланс сил, на котором строилось благополучное существование ливанского государства, разрушился.

В ответ на «палестинскую угрозу» объявили мобилизацию правоохранительные христианские организации. И прежде всего — маронитская фалангистская партия «Катаиб» **Пьера Жмайеля**, влиятельного бизнесмена, националиста и одного из лидеров христианской общины Ливана. Центральное правительство потеряло контроль над ситуацией. Зазвучали выстрелы, а вскоре стороны перешли к чисткам и убийствам мирных жителей.

Как водится на Востоке, конфликт быстро превратился в многослойный и многофакторный. Ливанское общество раскололось сразу по нескольким направлениям: условные «правые» против условных «левых», националисты против палестинцев и сторонников арабского единства, христиане против мусульман. Там переплелись интересы и соседних держав — Из-

раиля и Сирии, которые ввели в Ливан свои войска, а также Ирана, при посредстве которого было создано шиитское военизированное движение «Хезболла», до сих пор являющееся серьезной политической силой в Ливане.

Удивительно, но в этих непростых условиях CGTL сумела сохранить, оставшись в воюющей стране одной из немногих сил, способных на фоне конфликта поднимать вопрос о правах и гарантиях для работников. (Существовавшие до того многочисленные неформальные рабочие объединения и движения исчезли вскоре после начала боев.) Мало того, в реалиях, когда страна раскололась на враждующие общины, именно профсоюзы, способные говорить об общих для христиан, шиитов и суннитов проблемах социальной справедливости и трудовых прав, оставались объединяющей силой.

За время этой гражданской войны, которая закончилась только в 1990 году, погибло, по разным оценкам, от 100 до 200 тысяч человек.

НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Ливан смог восстановиться после войны, но постконфликтная реальность оказалась губительной для его профсоюзов. Еще в девяностые CGTL показывала себя силой, способной выводить людей на улицу и даже отправлять в отставку влиятельных политиков, — но уже к концу десятилетия ситуация изменилась.

Послевоенные власти Ливана («строительный» миллиардер **Рафик Харири** почти бессменно возглавлял правительство в девяностых и до своего убийства в 2005 году) сделали ставку на неолиберальную модель. Сильные профсоюзы в этот расклад не вписывались.

В конце девяностых разгорелась настоящая кампания по торпедированию CGTL изнутри путем внедрения в конфедерацию вновь созданных профсоюзов, подконтрольных конкретным партиям. Если в 1993 году в CGTL состояло 22 профобъединения, то к 2001 году их стало 36. Эти цифры, увы, говорят не о быстрых темпах

прироста членства. Львиная доля новых профсоюзов и даже федераций, чьи представители получили кресла в руководящих органах CGTL, имели меньше тысячи членов. Но система профсоюзного представительства в Ливане устроена так, что количество делегатов от конкретной федерации в центральных органах не зависит от ее размера. Так что в начале двухтысячных дело было сделано: CGTL перестала восприниматься как независимая организация и потеряла авторитет.

Если уж вести речь о протестном потенциале против неолиберальной политики правительства, то с этим на фоне коллапса профсоюзов стали лучше справляться исламисты. В случае Ливана самая заметная сила этого спектра — шиитская вооруженная группировка «Хезболла», существующая в Ливане с восьмидесятых годов. В Израиле, США и некоторых странах Запада она считается террористической организацией. А в Ливане — является не только весомой политической силой, но и настоящим «государством в государстве», которое контролирует часть территории страны, обладая при этом мощными вооруженными силами и реализуя собственные социальные программы. В 2018 году «Хезболла» и ее союзники (включая и христианские партии) смогли получить большинство мест в парламенте страны.

А профсоюзы... К середине 2010-х годов в Ливане существовало больше полусотни федераций и около 600 профсоюзов — но представляли они интересы едва ли 7% работников страны.

КТО ВИНОВАТ И ЧТО ДЕЛАТЬ

На пике мощи CGTL в 1970 году в ее членских организациях состояло около 200 тысяч человек (для маленького Ливана — совсем не мало!). По состоянию же на 2008 год цифра сократилась вчетверо, что ослабило CGTL.

Но у этих процессов есть вполне объективные причины. Многие крупные предприятия, бывшие опорой профсоюзов, исчезли в войну. Современный Ливан — страна с высоким уровнем безработицы и креном

Профсоюзы Ливана: страницы истории

Протесты мигрантов в Бейруте, 2016–2017

В Ливане протесты мигрантов, требующих минимальных трудовых прав, перестали быть редкостью. Так, в мае 2016 года сотни иностранных работников вышли на акцию протеста в Бейруте, потребовав от правительства принять Конвенцию МОТ № 189 о достойном труде домашних работников. Конвенция требует установления минимального размера оплаты труда для этой категории рабочих, предоставления им как минимум одного оплачиваемого выходного в неделю, а также установления минимальной зарплаты для обслуживающего персонала. Мигрантов поддержали неправительственные правозащитные организации. Акции протеста мигрантов продолжились и на следующий год.

Незадолго до этого домашние работники-иностранцы создали первый на Ближнем Востоке профсоюз этой отрасли — FENASOL. Но его лицензирование Министерством труда затянулось, а сама организация остается малочисленной.

Трудовые мигранты — выходцы из Индии и стран Юго-Восточной Азии — протестуют против «кафалы». Особенностью этого ущербного явления в трудовых отношениях является привязка вида на жительство иностранца к определенному работодателю. Работодатель также распоряжается личными документами наемного работника и принимает решение относительно возможности его возвращения на родину.

Стачка госслужащих и рождение USS, 2012

В конце 2011 года в Ливане обсуждалось соглашение о повышении зарплат на национальном уровне. Чтобы воздействовать на правительство, конфедерация CGTL объявила всеобщую забастовку. К акции присоединились как членские организации профцентра, так и независимые профсоюзы.

Однако накануне забастовки руководство CGTL достигло сепаратного соглашения с правительством на не самых выгодных для работников условиях и решило в одностороннем порядке отозвать забастовку.

Но протест состоялся и без CGTL — его возглавили не входящие в эту структуру профсоюзы госслужащих и работников школ, организовавшие Профсоюзный координационный комитет, USS. После месяца демонстраций и стачек новоиспеченный комитет сумел добиться соглашения на новых, выгодных для работников условиях.

экономики в сторону малых предприятий, где организинг практически невозможен.

Львиную долю в ливанской экономике занимает сфера услуг, которая тоже не слишком удобна для проникновения туда профсоюзов. Огромное количество потенциально нуждающихся в защите людей попросту остаются за бортом «официальных» профсоюзов. В том числе самая уязвимая категория населения — мигранты. В стране до сих пор живут сотни тысяч беженцев — палестинцы, а с 2010-х годов — и сирийцы: в шести-миллионный Ливан прибыло около полумиллиона беженцев из страны-соседки. Строительство или домашний труд — отрасли, в которых большинство рабочих составляют гастарбайтеры из стран Африки и Азии.

Это — «серая зона» ливанской сферы труда. Как и в других арабских странах, в Ливане применительно к мигрантам широко используется механизм «кафала» — «попечительство» работодателя над работником, которое

оборачивается полной властью первого над вторым. Привезший иностранца в страну «попечитель» распоряжается его документами и может даже отказаться выпускать его на родину. Нередки и другие вопиющие случаи нарушения прав мигрантов — например, депортация на родину детей, родившихся у иностранных рабочих.

«Рабочее движение должно пересмотреть собственную структуру и уставы в сторону большей демократичности и инклюзивности, — считает представитель Фонда Фридриха Эберта Самир Фара. — А кроме того, необходимы долгосрочные стратегии, которые позволят мобилизовать профсоюзы не только в формате реакции на конкретные события или решения правительства».

Сможет ли CGTL сделать выводы и найти политическую волю для реорганизации — вопрос. А пока в Ливане создаются новые структуры рабочего представительства, и именно с этими ростками эксперты связывают будущее рабочего движения страны.

В начале нынешнего десятилетия неожиданно громко заявило о себе новое объединение профсоюзов работников госсектора — Профсоюзный координационный комитет, УСС. Эта структура, несмотря на давление со стороны политиков и правительства, стала в 2010-х едва ли не единственной профсоюзной силой, способной на серьезную мобилизацию работников и независимый разговор на равных с государством.

УСС — самый яркий, но не единственный профсоюз «новой волны». Молодые профсоюзы появились в среде мигрантов и аграрных рабочих, на предприятиях создаются и неформальные рабочие объединения и комитеты — совсем как в семидесятых.

Можно ли сказать о том, что у ливанского профсоюзного движения появился второй шанс? Тут, как говорится, лишь бы не было войны. Увы, в условиях ливанского клубка это не просто поговорка.

Александр ЦВЕТКОВ

«Требуем равноправия на рынке труда». Активисты профобъединения домашних работников-мигрантов FENASOL на первомайской демонстрации в пригороде Бейрута, 2019 год.

“ПРОФСОЮЗЫ. XXI ВЕК” ИНТЕЛЛЕКТ - ФОРУМ

НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ

**10-11 октября 2019 года в городе Сочи
пройдет Всероссийский интеллект-форум**

ПРОФСОЮЗЫ. XXI ВЕК. НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ

Форум посвящен оценке существующих у профсоюзов инструментов влияния на работодателя и власть, оценке способности самостоятельно формировать актуальную повестку в социальной сфере страны.

Участники форума познакомятся с новыми тенденциями в сфере IT и управления проектами и обсудят, какие из современных технических и управленческих решений можно будет применить в работе профсоюзных организаций уже в ближайшем будущем.

Подробную информацию можно получить по телефону:

8 (800) 777-84-26

или на сайте Форума: forum.solidarnost.org

Всероссийский интеллект-форум — это первое в истории профсоюзов России мероприятие подобного уровня, включая и приглашенных выступающих, и дискуссии, и тематику, и затронутый практический опыт!

ЖДЕМ ВАС!

ФЕДЕРАЦИЯ НЕЗАВИСИМЫХ ПРОФСОЮЗОВ РОССИИ ЭТО:

184 000

первичных
профорганизаций

80

территориальных
профобъединений

46

отраслевых
профсоюзов

Юридическая
консультация:

+7 (495) 938-84-39

Справки по письмам:

+7 (495) 938-88-24

Прием почты:

+7 (495) 938-78-99